

A woman with short, curly white hair is seated at a small, round, dark-colored table in a cafe. She is wearing a brown, textured cardigan over a white top. She is holding a small, light-colored cup with both hands, looking out of a window. On the table in front of her is a matching teapot and a saucer with another cup. The scene is warmly lit, with golden light coming from the window and several glowing street lamps visible outside. The background shows a cobblestone street and buildings with windows and flower boxes. The overall atmosphere is cozy and nostalgic.

Оксана Ююкина

кафе
"ЖИЗНЬ"

Оксана Ююкина

Кафе «Жизнь»

«Автор»

2024

Ююкина О.

Кафе «Жизнь» / О. Ююкина — «Автор», 2024

В кафе "Жизнь" всегда пахнет домашним уютом, булочками и какао. Посетителей встречает улыбчивая тетушка Молли, в чьих карманах можно найти снеговика среди лета, букет ландышей зимой, а порой и целый кукольный домик. Люди приходят к Молли за чудесами, советами и напитками, которые согревают сердце. Каждый год, когда все гости кафе "Жизнь" исчезают, оставляя за собой пустые улицы, тетушка Молли заваривает чай для единственного гостя – Смерти.

© Ююкина О., 2024

© Автор, 2024

Содержание

1. Жизнь первая. Неуверенностью	5
2. Жизнь вторая. Сломанные	10
3. Жизнь первая. Стремления	17
4. Жизнь третья. Осколками	23
5. Жизнь четвертая. Чуда	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Оксана Ююкина

Кафе "Жизнь"

1. Жизнь первая. Неуверенностью

– Ты неуверенно садишься на круг, стараешься не упасть, намертво вцепляешься в ручки по бокам и умоляешь инструктора не толкать тебя слишком сильно. Он, конечно, тебя слушает и толкает ногой так сильно, что летишь как из пушки! Летишь вперёд: то тут, то здесь всполохи лампочек. Синие, зелёные, жёлтые, фиолетовые. Вода мчит тебя, и кажется, что сердце сейчас остановится – миокард и три вот таких рубца! – восторженно-возмущённо делится Людмила Павловна, показывая ладонями размеры предполагаемого инфаркта. – А потом – р-р-раз – и будто мешок от картошки на голову надели. Темно, хоть глазоньки выколи. Не себе, конечно. Кажется, всё – вылетел в космос, умчался, потерялся в этой как его там... чёрной дыре, во! Хочется заорать, попросить выпустить тебя отсюда поскорее, но неприлично же в моём возрасте, ну. И тогда возвращаются мои ангелочки – цветные прожекторы. А там уже и до выхода всего три поворота.

Людмила Павловна делает глоток остывающего чая с привкусом мёда и запахом солнечных дней. Липа обволакивает язык своей нежной вязкой сладостью, успокаивает взволнованное сердце.

– Я бы никогда не решилась скатиться с такой горки, – покачивает головой Молли, защищая узловатыми пальцами края теста на яблочном пироге. Золотая оправа её очков красиво переливается в свете жёлтых ламп.

– Ха! Вот будут у тебя внуки и не такое выдашь. Они заставили меня скатиться с каждой по три раза! Нет, некоторые мне, конечно, понравились, – тут же обрывает своё возмущение Людмила Павловна, поправляя пучок крашенных волос. – Например, воронка. Катись по трубе ну буквально пару секунд, а потом вращаешься по огромному кругу, наслаждаешься ветерком, пока не утянет в бассейн. То спиной вперёд, то головой под воду... И ради чего? Я просто попросила Алису и Антона записаться на соревнования по плаванию!

– И они записались? – интересуется Молли, отряхивая муку с рук.

Ежевичный пирог уютно золотит корочку в духовке, пока тёмно-серая шаль с карманами укрывает бока старушки Молли. Яблочный восторг ждёт на столе своей очереди.

– Нет. Просрочили время заявок. Случайно, конечно, – горечи в голосе Людмилы Павловны хватит, чтобы лишиться сладости тонну сахара. – Я же с ними по-хорошему! А они... Эх. Бекс даже учиться плавать не хочет, говорит «зачем мне это».

– А зачем? – вставляет вопрос в монолог подруги Молли, прищуривая потускневшие зелёные глаза.

– Как зачем?! – Людмила Павловна хватается за сердце не с той стороны груди. – Это же здоровье! Это... это же спорт! Пусть они хоть раз почувствуют, каково это – стоять на тумбе и ждать. Ждать этот третий свисток, после которого летишь в воду, несёшься вперёд быстрее дельфина, не оглядываясь по сторонам. Гребёшь руками, колотишь ногами, вырываешь каждый глоток воздуха у брызг и глубины. Кувырок, переворот и обратно. Ты первая в этом заплыве, ты первая на пьедестале.

– Так отчего же ты не поплывёшь? – Молли протирает круглые очки носовым платком, берёт кружку со жгучим горячим шоколадом и ставит на барную стойку. Прикрикивает: – Туту, отнеси Андрусу!

– Сейчас, тётушка Молли! – невысокая Туту демонстрирует небольшую шербинку между зубами, подхватывает тёмно-зелёную керамическую кружку с небольшим сколом и танцующей походкой устремляется к рыжей макушке парня за столом в дальнем углу.

– Сама? Дорогая моя, мне уже шестьдесят два! Поздно на соревнования, я поплыву только к гробу, – отмахивается Людмила Павловна, доливая кипятка в кружку. – Я понимаю, что смотреть, как плывёт кто-то другой – это не то же самое, что грести самой, но хоть так, через внуков, мне бы хотелось ещё раз ощутить победу с запахом хлорки.

– Тю. – Молли всплёскивает руками. – Поздно только когда умер, да и то не факт. Вдруг смерть – это что-то вроде нашего кафе, куда постоянно приходят люди за чаями, пирогами и поделиться своими историями? Придётся тебе всё посмертие страдать и маяться по новому кругу. Так что плыви, дорогуша. Плыви, пока можешь.

Молли лукаво подмигивает оторопевшей женщине.

– Скажешь тоже... – Людмила Павловна выпучивает глаза от одной мысли, что смерть может коварно маскироваться под уютное кафе «Жизнь». – Я от всяких артритов, склерозов и прочей ерунды развалюсь быстрее, чем выиграю хоть один заплыв. Да и какие могут быть соревнования для тех, кому давно за восемнадцать?

Людмила Павловна встряхивает головой, поправляя розовую пушистую кофту на плечах. Молли ласково улыбается, достаёт из кармана небольшую рекламку:

– Эти подойдут?

Название «Золотые рыбки» жёлтым хвостом рассекает листовку. Плавательные дорожки на фото тянутся до самого горизонта, а из воды, как акульки плавники, выглядывают руки и головы людей, стремительно летящих вперёд. Людмила Павловна трепетно вчитывается в каждое слово объявления. Пятьдесят, сто, двести, тысяча метров. Кроль, брасс, баттерфляй, на спине. Выбирай любой стиль, любое расстояние и плыви, если тебе немного за шестьдесят.

– Заявки принимают до конца мая, – хитро подмигивает Молли. – В прошлом году участвовала столетняя женщина. Три минуты двадцать две секунды плыла пятьдесят метров под бурю аплодисментов.

– И что, даже первое место получила? – недоверчиво приподнимает бровь Людмила Павловна.

– А как же. Конкурентов-то не было. – Молли добродушно смеётся, поглядывая, как начинает подниматься сладкое ежевичное счастье в духовке.

– Да куда уж мне, – привычно повторяет Людмила Павловна, затапывая робкий голосок зарождающейся надежды.

– Разве ж поздно начать жить заново? – Молли помешивает в баночке варенье из сочного крыжовника с кислинкой лимона, медленно перелистывает странички книги рецептов, выбирая, куда пристроить остатки неземной роскоши.

– Даже в шестьдесят два? – грусть растягивает морщинки, подчёркивает складочки второго и третьего подбородков на лице уже давно немолодой Люсеньки.

– Даже в восемьдесят восемь не поздно идти за своей мечтой, – с лёгкостью пёрышка дарит тяжёлую веру Молли. В тесто для рогаликов в первую очередь просеивается мука. – Тебе же необязательно ставить рекорды, можно просто нырнуть и проплыть.

– Ой, да ну. Некогда мне. Вон за внуком нужно следить: корми его первым, вторым, третьим да компотом, уроки проверяй, на кружки отводи, – отбивается от навязчивого предложения Людмила Павловна. – Засиделась я у тебя, пойду. Бекса домой заберу да в магазин за продуктами забегу.

– Жизнь тебя любит, дорогая, – прощается Молли, щёлкая пальцами.

Гостья уходит, унося за собой в зал тонкий аромат свежеиспечённых рогаликов.

Дзинь.

Со звоном колокольчика Людмила Павловна вдыхает немного прохладный весенний воздух, разглядывает бутончики роз, выющихся по колоннам кафе.

– Аляска, – со знанием дела бормочет Людмила Павловна себе под нос сорт розы и гордо шагает по разбитым плиткам в сторону продуктового.

Останавливается. С подозрением всматривается. Людмила Павловна никогда не жалуется на память и может с точностью сценариста пересказать любую из двухсот пятидесяти серий «Клона», но вот этот неприметный магазинчик «Мир спорта» между продуктовым и аптекой она видит впервые. Купальники, спортивные сумки и дощечки манят, как хвост золотой рыбки, уплывающей на самое дно океана. Женщина цокает языком и широкими шагами пробегает мимо – ей нужны огурцы, хлеб и сметана, а не очки, шапочка и прищепка для носа.

В магазине Людмила Павловна чувствует себя как дельфин в океане – знает, где что находится, куда хитрые мерчендайзеры прячут продукты посвежее, в какие дни привоз и скидки. Сегодня ловкие руки отправляют в корзину горький зелёный лук, упругие хрустящие огурцы, сочные красные помидоры на веточке, обезжиренный творожок, куриные бёдрышки, чуть зеленоватые бананы, две пачки овсяного печенья с шоколадом, коробку мюсли, жирную сметанку с котом на банке и тёплый батон. Как там же оказываются всякие попутные мелочи вроде макарон, сосисок, сыра и консервированных абрикосов – не знает никто. Только на кассе Людмила Павловна с удивлением едва поднимает два огромных пакета.

– Плыви, как же, – бухтит женщина, выволакивая себя и покупки на улицу. – Тут бы домой доковылять.

Ноги тяжело шагают, будто кто-то смазал подошвы суперклеем. Наступила – прилепилась, подняла ногу – оторвалась. Прилепиться. Оторваться. Взгляд снова падает на сине-белую вывеску спортивного магазина. Людмила Павловна причмокивает губами и нерешительно толкает бесшумную дверь. Та распаивается на всю ширину, впуская тучное тело женщины в пропахший резиной и свежим ремонтом узкий магазинчик. Зайти дальше входа почему-то до безумия страшно, невыносимо трудно и по-детски стыдно. Чёрный спортивный купальник с широкой фиолетовой полосой на груди манит, уговаривает прикоснуться, примерить, нырнуть.

– Здравствуйтесь, вам помочь? – Блондин с акулей улыбкой поправляет гавайскую красную рубашку с зелёными пальмовыми листьями. «Иван» размашистым почерком красуется на его бейджике.

– Да закупились тут... То есть не тут, а в продуктивном. Забыла, что хотела одним глазком глянуть внуку плавки, – оправдывается Людмила Павловна, пытаясь спрятать шелестящих гигантов с едой за спину.

– Я спрячу под кассу, присматривайте пока себе «внульки плавки». – Иван хитро подмигивает женщине, ловко отбирая пакеты. Неторопливо выполняет обещанное.

Людмила Павловна теряется. Не то от стыда, не то от паники она впервые за много лет не знает, как возразить или отказаться. Отобранные пакеты мешают тут же развернуться и сбежать домой. Приходится медленно бродить, разглядывать теннисные ракетки, неловко улыбаться вернувшемуся консультанту, неуклюже сбивать животом то термоноски, то скакалки.

– Так что вас интересует? – чересчур вежливо спрашивает прилипчивый Иван.

– Мне бы для плавания, – заливается стыдом Людмила Павловна.

– Ага. Купальник, шапочку, очки и резиновые тапочки? – перечисляет блондин так быстро, что невозможно вставить ни слова. Вдох. – Непромокаемую сумку, ультрапитывающее полотенце, ласты, лопатки и доску для плавания?

– Тапочки есть, – возмущается Людмила Павловна. – И купальник!

Сильная ладонь чуть сжимает рыхлое плечо посетительницы, разворачивает к нужным полкам. Консультант не замолкает ни на секунду, рассказывая про преимущества той или иной фирмы, показывает, как чем пользоваться, умудряясь делать это в чрезвычайно ленивой манере. Людмила Павловна решительно отмечает иностранные фирмы, ведь «своё оно надёж-

нее», отказывается от ласт и лопаток, так как «мне это на нос нацепить, что ли?», и решительно рассчитывается на кассе. Она выбирает самые дешёвые вьетнамки с резиновой подошвой, обыкновенную чёрную шапочку и прозрачные очки. Успокаивает себя, что не жалко будет выбросить, когда наиграется в пловца.

Иван смотрит на покупки с удивлением, но вопросов не задаёт. Только попискивает считывателем над товарами.

– С вас одна тысяча двести девяносто восемь рублей. – Иван протягивает терминал оплаты, но Людмила Павловна с осуждением во взгляде отдаёт четыре купюры. – О, момент. Трейси, нам нужна мелочь!

Девушка с короткой асимметричной стрижкой и скучающим выражением лица выносит пакетик со звонкими монетами. Иван благодарно подмигивает, выбирает из кучи двухрублёвую кругляшку и с акульей улыбкой кладёт её в ладонь покупательницы.

– Плавайте с удовольствием и приходите ещё! – Их взгляды встречаются, и каждый словно говорит «да ей этого на всю жизнь хватит». – Вам помочь вызвать такси? Или вынести сумки на улицу?

– Сама справлюсь, натягаешься ещё, – отмахивается Людмила Павловна, хотя с удовольствием бы села в машину, а не тащила со всеми покупками через ямы и ледяные лужи.

Иван упрямо подхватывает пакеты, вводит в телефоне адрес и ногой придерживает дверь. Людмила Павловна возмущённо причитает, но боем отбирать своё добро не решается.

– Послушайте, а в какой бассейн вы ходите? – интересуется продавец, кассир, консультант или просто Иван – молодец один за всех на дуде игрец.

– Ни в какой, – огрызается Людмила Павловна.

– Моя бабушка ходит в «Луч» по вторникам, четвергам и субботам около двух часов. Вы могли бы плавать вместе, если нужна компания. – Парень улыбается как-то особенно солнечно и нежно, говоря о бабушке. – Вот ваша машина.

– У меня нет... – пытается отмахнуться женщина, когда возле неё останавливается жёлтое рено.

– Я заплатил, не волнуйтесь. Считайте, это вклад в досуг бабули. – Иван загружает пакеты в багажник. – Как сказала одна мудрая женщина, «натягаетесь ещё».

– Спасибо, Иван, – неловко бормочет Людмила Павловна, нервно сжимая и разжимая пальцы. Сбегаёт от стыда в машину, ёрзает, торопливо называет адрес. Украдкой смотрит в окно и натывается взглядом на машущего продавца, стоящего у стены между аптекой и продуктовым магазином. Ни сине-белой вывески, ни двери больше нет.

– А мы можем забрать моего внука из школы? Это как раз по пути, – расслабляется пассажирка, отворачиваясь от неугомонного Ивана. Что именно было странным, понять не удаётся.

– Конечно, красотка, – подмигивает водитель и давит на педаль газа. Ремень безопасности на заднем сидении громко щёлкает. Сэвен жизнерадостно хохочет. – Не волнуйтесь вы так, довезу без единой царапинки, клянусь!

После этих слов Людмиле Павловне хочется пристегнуться ещё раз или два. На всякий случай. Знакомые с детства улочки мелькают за окном, будоражат память так же сильно, как и плавательные принадлежности в багажнике. Сколько лет она уже не была там? Сколько лет не прыгала в воду со свистком тренера, не летела по дорожке до горения в лёгких, до судорог в мышцах и победы в костях? Знает, конечно, она знает, как давно не захлёбывалась хлоркой по ошибке, знает, сколько не жгло в носу от неудачного кувырка-разворота под водой.

В носу кисло, сыро и жётся почему-то сейчас, даже без бассейна. Машина останавливается у кованых ворот школы, стирая из мыслей десятки медалей и восемь кубков. Людмила Павловна открывает окно, находит мальчишку с чёрными вихрами и огромным ранцем с дельфинами:

– Бекс, садись в машину! – громкий чуть сипловатый голос бабушки заставляет перво-классника встрепенуться и удивлённо уставиться на жёлтое такси.

– Иду!

Мальчишка не идёт, а бежит к автомобилю, трепетно хватается за дверную ручку и с восторгом трогает пальцем сидение.

– Ба, а почему мы сегодня на такси? Праздник какой-то? – Бекс садится на бустер, пристёгивается ремнём. Чувствует себя повелителем мира.

– Да, праздник щедрости добрых людей, – важно кивает бабушка, закрывая окно. – Сколько сегодня пятёрок получил мой ненаглядный внучок?

– Сегодня меня не спрашивали. – Бекс стыдливо опускает голову. Он мнёт в руках подол белой рубашки, водит по стрелкам на брюках, исподлобья поглядывает на бабушку.

– Ну? Что ты там опять хочешь? – причмокивает губами Людмила Павловна, замечая сигналы внука.

– Ба, мне задали рассказать про работу родителей... – Бекс начинает громко, уверенно, но к концу предложения его едва слышно. – Ба, когда мама вернётся?

– Не знаю, мой мальчик, не знаю. – Людмила Павловна разглядывает узловатые пальцы, крепче сжимает губы. – Ты можешь написать про меня. До пенсии я работала гардеробщицей, интереснее, чем всякие эти ваши менеджеры, а?

– Ага, – уныло соглашается с реальностью Бекс, отворачиваясь от бабушки.

Людмила Павловна тянет уголки губ вверх, приклеивает их там будто скотчем, мечтая отыскать этого Джорджа или Доуэля – имя стёрлось из памяти, как только перестало звучать каждый день в их доме. Почти девять лет прошло, а ненависть лишь крепнет.

– Я поговорю с ней, – добавляет бабушка, утешая Бекса. Они оба знают, что разговор ничего не изменит.

Пакеты тихонько шуршат, шаги гулким эхом пролетают по этажам. Ключ – звенит. Дверь – визжит. Нож стучит по доске с особенно громким звуком. Телевизор молчит, не прячет, как обычно, шипение сковороды за мультиками, не перекрывает просьбу садиться за стол. Ужин унылый, тихий, тянущийся, как надоедливый сыр, не отпускающий кусочек желанной пиццы.

– Как в школе? – Столовый ножик мерзко проходится по тарелке.

– Нормально. – Картошка жуётся со смачным чавканьем.

Скрип. Чвок. Шлёп. Упавший помидор разлетается жирной жижей по столу.

– Беккери! – Руки упираются в толстые бока, тряпка выпрыгивает из раковины.

– Прости, ба. – Бекс разочарованно кривит губы, морщит нос. – Спасибо, я наелся.

– А доедать кто будет? – бабушкино возмущение разгорается огнём на сложенных поленьях недовольства.

– Отдай Тишке.

Бекс не смотрит в глаза, не ждёт ответа – оставляет почти нетронутую еду на столе и сбегает в тетради с кучей сложных задач.

Людмила Павловна хватается за телефон. После долгих гудков быстро начинается ругань. Яростная, истеричная, причитающая и приказывающая – такой видят друг друга обе женщины.

– Я делаю всё для него. Он ни в чём не нуждается, – сдержанно возражает Александра.

– В маме, в маме он нуждается! – лихо бьёт по больному Людмила Павловна.

Вместо ответа – короткие, торопливые гудки. Последний пакет неразобранных покупок одиноко лежит в коридоре, поблёскивая футляром от плавательных очков.

2. Жизнь вторая. Сломанные

Дзинь. Тихий звон дверного колокольчика раздаётся в половину восьмого утра. Молли не нужно оборачиваться, чтобы знать, кто пришёл – Софи Грант чрезвычайно пунктуальна, как и сама старушка. Аккуратные каблочки цокают по паркетному полу, фарфоровая кружечка звенит о тарелочку.

– Доброе утро, мисс Гудроу, – уверенный голос эхом пробегается по пустому кафе.

– Жизнь тебя любит, милая, – приветствует гостью Молли, выходит из-за барной стойки, шаркает галошами по деревянному полу и, не расплескав ни капли, бесшумно ставит на стол свою ношу.

– Вы, как всегда, готовы, – необычайно мягко улыбается Софи, грациозно усаживаясь на стул.

Пальчики с аккуратным френчем обнимают изящно изогнутую ручку кружечки. Горячий пар тянется вверх, щекочет нос сливочным ароматом молочного улуна. Первый глоток ласкает язык шоколадным вкусом, согревает, бодрит и сообщает, что новый день действительно начался. Софи выдыхает, стучит подушечкой пальца по золотистому бочку творожного рулетика:

– Я после ваших угощений однажды не влезу в свои костюмы.

– Тю, милая, чтобы не влезть в одежду, тебе потребуется не выходить из моего кафе хотя бы месяц. – Молли всплёскивает руками и садится напротив женщины. – Как поживают Люсиль и Торрес?

– Прекрасно. Люси недавно заняла первое место в научном триатлоне, а Тори стала ребёнком месяца в саду, набрав триста восемь звёздочек успеха, – гордость сквозит в каждом слове Софи, но выражение лица едва ли меняется. – Это даже на три больше, чем у Люси в её возрасте. Новый рекорд.

– Ну какие умнички! – искренне восхищается Молли, подпирая голову рукой. – Обязательно приберегу для них бесплатные пирожные.

– Да бросьте, я заплачу, – фыркает Софи, отмахиваясь. – Я работаю для того, чтобы мы могли позволить себе сладости даже в кафе, где никогда нет меню и можно уйти не заплатив.

Молли хохочет, и этот звук чем-то напоминает одновременно крик чайки и скрип ступеней под ногами, но вместо раздражения испытываешь лишь приятное удовольствие, будто наблюдаешь за тем, как распускается цветок или малыш-цыплёнок пробивает клювиком скорлупу.

– Тогда можно считать, что твоя жизнь удалась, – отсмеявшись, потрескивает голосом Молли.

– Жизнь удалась... – шёпотом повторяет Софи, задумчиво разбивая слова.

Ей кажется, что она что-то упустила, чего-то не смогла, о чём-то очень жалеет, мечтает исправить, но в голову не приходит ни одного воспоминания, которое нужно изменить.

– Выходит, что удалась, – всё-таки соглашается Софи, делая очередной глоток чая.

Молли по-матерински тепло разглядывает женщину, в которой всё кажется идеальным. Уложенный тугой пучок без единого торчащего чёрного волоска, изящно подкрашенные изогнутые ресницы, как из рекламы, карминовая помада, которая не кричит «посмотри на меня», а нежно подчёркивает строгие черты лица, белоснежная блузка без складочек, отутюженный чёрный брючный костюм в серую полоску. Увидев такую леди на улице, сразу думается, что она венец женской природы. Та самая, у которой и работа по полочкам, и дома идеальный порядок, и дети никогда не закатывают истерик, и муж на руках носит...

Тёмные круги под глазами стёрты консилером, морщины скрываются за подтяжками, а тревожные мысли надёжно прикрыты белозубой улыбкой. Хочется разомкнуть эти чёртовы зубы, дать им шанс выговориться, отпустить, разделить с кем-то страхи, но... Опасно, страшно, непонятно. Как доверить кому-то боль и переживания, если любое неверное слово может разрушить то, что Софи строила годами? Кто сотрёт усталость с лица? Кто обнимет словами и тёплыми заботливыми руками, укроет от всех невзгод?

Дзинь.

– Сикс, ты сегодня так рано. – Молли встаёт из-за столика, встречая коренастого парня с вечно-удивлённым лицом. – Неужели где-то случился апокалипсис и ты смог проснуться вовремя?

– Если бы апокалипсис и случился, то начался бы он с Найн, – подмигивает Сикс. – А я просто поспорил с нашей картошечкой, что сегодня не опоздаю.

– Тогда ты проиграл, – цокает языком Фрай, появляясь за его спиной. – Я уже закончила.

– Упс. – Сикс неловко чешет затылок, но совсем не чувствует вины.

– Забираешь три мои смены в кафе. – Фрай победно пританцовывает, усаживаясь за барную стойку. Её короткие ноги болтаются, едва ли доставая до перекладины высокого стула.

– Целых три? Мы договаривались на одну! – возмущается парень, запрыгивая на соседний стул. Шутливый спор и не думает прекращаться, а лишь набирает обороты.

– Увидимся, мисс Гудроу. – Софи делает торопливый глоток горячего напитка, оставляет нетронутым любимое лакомство. Встаёт. Раздражение не утихает и выливается в хищную улыбку.

– Жизнь тебя любит, – с лёгким укором прощается Молли, ковыляя к стойке, возле которой вытаскивает из карманов кружку тёплого молока с корицей и брусничным отвар с мятой.

Дружное «спасибо» догоняет Софи из приоткрытой двери, когда она садится в машину с изящностью аристократки, поднимающейся в карету.

– Вперёд, – командует женщина, пристёгиваясь ремнём безопасности.

Чёрный мерседес плавно трогается с места, везёт привычным маршрутом. Жизнь Софи Грант подчиняется строгому расписанию: подъём, завтрак, кафе, работа, время с семьёй, даже походы в туалет запланированы. Болеть или больше чем на минуту отклоняться от графика – запрещено. У неё просто нет времени на всякие глупости. Впрочем, глупостей в её жизни нет лет с двенадцати.

Не проходит и десяти минут, как Мерседес останавливается и бархатные сапожки с острым носом касаются асфальта. Софи кивает водителю вместо благодарности и уверенным летящим шагом поднимается по ступеням, которые каждый день вот уже восемь лет ведут в одно и то же место – кабинет.

Сумочка становится на специальную тумбу, указательный палец зажимает кнопку микрофона:

– Всем доброе утро, и пусть этот день подарит миру ещё больше красоты.

Ритуальная фраза слетает с губ привычно, заученно, но каждый раз с внутренним трепетом. Сделать мир немного лучше, немного ярче, немного возвышеннее для каждого – вот мечта владелицы пятидесяти трёх картинных галерей в тринадцати странах мира. Софи ныряет в бумаги, почту, договоры, планы и проекты, не глядя на часы – для встреч и звонков у неё есть помощница, которая заменяет любой будильник и напоминалку. Минута в минуту дверь открывается, телефон звонит – всё строится строго по плану, и ничего не нарушает привычный ритм. Ничего, кроме неожиданного звонка от дворецкого.

– Минута, – не отрываясь от эскизов будущей выставки, сообщает Софи телефону.

– Я нашёл тетради, в которых Люсиль пишет сказки, – укладывается в три секунды дворецкий.

Софи замирает. Жмурится. Открывает глаза. Убеждается, что мир реален.

– Как давно?

– Почти полгода, – чётко, как в армии, отвечает Джордж.

– И вы узнали только сейчас? – в этом вопросе нет ни раздражения, ни гнева, ни осуждения, но пробирает от него, как от осознания, что тебя преследует маньяк.

– Простите.

– Везите, – лаконично отвечает Софи, вешая трубку.

В душе почему-то нарастает ощущение тревоги, паники, как бывает от фразы «нам нужно серьёзно поговорить». Только теперь Софи не ребёнок, а взрослая, которой предстоит решить, наверное, самый важный вопрос в жизни, пройти проверку. Миссис Грант не уверена, что сможет справиться с голосами в своей голове. С одним ужасно резким и настойчивым голосом.

«Выброси эти глупости из головы, они тебя не прокормят. Займись серьёзными вещами!»

Софи занимается серьёзными вещами, оставляя замечания по одним проектам и одобряя другие: расположение картин на двух новых выставках, предложения по рекламе, закупка всевозможных шедевров, креативные предложения, бюджеты... Стопка бумаг уменьшается, неп прочитанных писем в почте не остаётся, а лёгкий, но сытный обед оказывается на кофейном столике у дивана. С ним же появляется и Джордж с гигантской стопкой прошитых листов.

– Что это? – тут же спрашивает Софи, ясно помнящая, что речь шла про тетради.

– Скопировал страницы, чтобы Люси не заметила пропажи, – спокойно и даже немного величественно рапортует старый дворецкий, глядя с уважением, но не с подобострастием.

– Хорошо, Джордж, можешь идти, – в привычной манере отвечает миссис Грант, вглядываясь в морщины, седую лысеющую голову человека, за которого мечтала выйти замуж года в четыре.

Едва заметная улыбка скрашивает гримасу серьёзности, делает Софи в старческих бледных глазах снова той маленькой девочкой, которая любила всюду прятать конфеты и громко хохотать, скатываясь вниз по перилам. Джордж кивает, пряча тепло в пышных усах, разворачивается, чтобы уйти.

– Хорошо отдохните, дядюшка, – чуть смягчает тон миссис Грант, смущённо утыкаясь взглядом в рукопись дочери. Сжимает кулаки, впивается ногтями в кожу, наказывая себя за слабость.

– Благодарю, миссис Грант, – старик прощается, делая вид, что ничего не заметил. Он степенно покидает кабинет, оставляя женщину наедине с её мыслями и предположениями.

Идеально выверенный ритм нарушается. Софи впервые отменяет две встречи подряд и даже не съедает и половину порции овощного салата. Возле её кабинета ходят исключительно на цыпочках и не разговаривают, считая, что случилось что-то не менее серьёзное, чем смерть чёрной дыры посреди одной из галерей. Страницы шелестят, похрустывают в умелых руках, а глаза порхают со строчки на строчку. Бровь периодически приподнимается, тихие смешки от странных оборотов и порой наивных детских слов срываются, но Софи продолжает читать увлечённо, с интересом подглядывая во внутренний мир дочери. Она узнаёт в героях дворцового, нянечек, любимых и не очень учителей, Торрес и даже задумывается о том, что Люси может быть симпатичен один одноклассник, с которого списан рыцарь, но...

Софи громко захлопывает стопку бумаг. Злая ведьма невезения. Всегда с аккуратной причёской, любит складывать руки на бока, постукивая указательным пальцем по пуговице кармана. Неизменно с карминовой помадой на губах и презрительным взглядом. Злая ведьма невезения по имени Софина.

Миссис Грант позволяет себе пальцами потереть виски, сжать переносицу. Почему из всех ролей ей опять досталась злодейка? Разве она делает недостаточно? Не осуществляет каждую мечту дочерей? Да, требует, чтобы не бросали и не сдавались на середине пути, да, просит их держать лицо и марку семьи Грант, но разве это слишком много в обмен на весь мир?

– Анна, дальше по графику, отменённые поставь на ближайшую неделю, – приказывает Софи, нажимая кнопку связи с секретарём.

Рукопись дочери шлёпается с размаху в нижний ящик стола. Софи ныряет в рабочие задачи, будто она робот: улыбается, раздаёт указания, утверждает и отклоняет заявки до вечера. Но ровно в семь часов собирается домой, бросая долгий задумчивый взор на собственный ящик Пандоры, в котором сидит злая ведьма. Отворачивается и гасит свет, прощается кивком головы с каждым встречным, садится в машину, прикрывает глаза. Ехать недолго, но мысли успевают успокоиться, улечься, закончиться на более приятной ноте.

Дом встречает свежестью и цветами, улыбкой Джорджа и дочерьми, вернувшимися с дополнительных занятий. Софи ничего не меняет. Вечер выглядит как обычно: полезный и красивый ужин из пророщенного горошка, кускуса, овощной нарезки и кусочка тушёной курицы. Вилки и ножи едва уловимо стучат по фарфору в абсолютной тишине – во время еды говорить не положено.

– Как ваши занятия? – первый вопрос от матери, как и всегда, звучит, когда подают чай.

– Китайский отлично, – Люси как старшая отчитывается первой.

– Балет? – Софи приподнимает бровь, как бы спрашивая, почему она должна уточнять.

– Хорошо. – Девочка напрягается, сжимает кулаки под столом. – Допустила ошибку на разогреве.

– Нужно больше стараться, – делает вывод Софи и больше ни слова не говорит дочери, переводит внимание на младшую.

– Фортепиано и пение отлично, – болтает ногами Тори, стаскивая с общей тарелки уже третье печенье, хотя положено два.

– Правильно, держи марку, – сухо хвалит Софи, мысленно ставя галочку в сегодняшнем дне. – И прекращай столько есть. Лишний вес никого не красит.

– Да, мама, – соглашается Тори, запихивая рассыпчатую сладость в рот целиком, чтобы не отобрали.

– Два часа на уроки и спать, – командует Софи, поднимаясь из-за стола. – Ариана, мой чай в кабинет.

Суетливая горничная отправляется на кухню за новой кружкой горячего напитка – со стола брать ни в коем случае нельзя, ведь он уже остыл.

Софи поднимается в кабинет, грациозно садится в мягкое красивое кресло и коротко сжимает виски, распускает тугий пучок, массирует голову, позволяя себе немного свободы. Сегодня этого мало. Она идёт в небольшую уборную за соседней дверью и долго смывает макияж гидрофильным маслом, ватными дисками, средством от водостойкой косметики, увлажняет, питает кожу сыворотками и кремами. Снимает с себя блузку, пиджак и брюки, растёгивает жмуций бюстгальтер и дышит полной грудью. Подставляет стройное тело прохладным душевым каплям, вспенивает в ладонях шампунь, втирает его в корни волос и смывает, растирает пушистым полотенцем кожу до красноты, укутывается в длинный белый банный халат и заставляет себя размазывать по волосам бальзам, укрепляющий мусс, когда хочется просто вернуться к уже опять остывшему чаю. Не переодевается. Выглядывает из-за двери и, пока никто не видит, забирается в кресло с ногами, обнимает колени и чувствует себя маленькой девочкой. Такой как Люсиль.

Документы так и остаются нетронутой стопкой лежать в сумочке. Софи открывает крошечным ключиком ящичек, в котором уже много лет заперты мечты. Достает бумагу, карандаши и мелки, прикрывает глаза, выхватывает из калейдоскопа картинок одну и начинает рисовать. Никакого эскиза, никакой основы – просто твори и не думай, что делаешь правильно, а что нет. Вскоре на бумаге расцветает алый бок дракона, сверкают начищенные доспехи рыцаря и переливается цветами моря платье принцессы. Софи оставляет последний штрих на рисунке, откладывает мелок и долго рассматривает итог.

– Лучше бы с договорами закончила, – вздыхает женщина, складывая мечты обратно в ящик.

Крутится на кресле, по-детски обнимая коленки. Злая ведьма невезения. Софи никак не отмахнуться от этой мысли, ведь она слишком похожа на правду. Ей раньше всегда не хватало удачи. Контракты уходили от неё в последний момент, выставки проходили чуть хуже, чем могли, даже замуж она выходила не по любви, а ради бизнеса родителей, с которыми тоже не повезло – для них она просто была недостаточно хороша. Что бы Софи ни делала – обязательно находился кто-то талантливее и успешнее. Математика, английский, наука, история, география, физическая культура, язык и литература... Вечный номер два.

Единственное, в чём ей удавалось быть лучшей – искусство. На этих уроках Софи сияла, как новогодняя звезда на ёлке: рисовала удивительные в своей самобытности картины, безошибочно определяла авторство и никогда не путалась в художниках – не было никаких сомнений в том, какой путь выбрать. Не было ни у кого, кроме самой Софи, которая мечтала создавать сама, а не искать шедевры по всему миру.

– Этой размазне ты учиться не будешь, – выносит приговор отец, когда получается отсмеяться. – Откуда в твоей голове такие идеи? Художником! – Снова смеётся, будто услышал хорошую шутку, а не заветную мечту двенадцатилетней дочери. – Будешь искусствоведем. На выпускной подарю тебе картинную галерею.

Софи не плакала, потому что в семье Грант не принято разводить сырость, лишь молча шла дорогой чужих желаний. Одна галерея становилась тремя, пятью, десятью. Австрия, Венгрия, Польша, Нидерланды, Испания, США и даже Россия – её искусство дотянулось туда и расплзлось дальше. Брак с холодным сердцем, дети как проекты, работа с жадной доказать, что может, миллионы и миллиарды евро, проходящие сквозь пальцы, но не оставляющие и крупинки радости в сердце.

Лишь редкие вечера, как сегодня, когда она позволяет себе себя. Снимает личину «миссис Грант», становясь просто «Софи». Кресло останавливает своё вращение, когда часы показывают уже половину десятого. Большой и уютный халат превращается в модную шёлковую пижаму, замотанные в полотенце волосы расчёсанной волной укладываются на спину. Свет в кабинете гаснет.

– Люсиль, Торрес, добрых снов, – желает дочерям Софи, не заглядывая к ним в двери. Знает, что они достаточно послушные, чтобы лечь спать без её надзора. Верит, что им хватает в жизни контроля.

Ночь ласкает, убаюкивает, но долго не приносит сон. Кровать слишком большая, пустая, неудобная. Конечно, под ней нет никаких монстров, но... Монстры есть внутри головы, и тёплые руки защитника – мужа – ещё три дня их не разгонят. Командировки становятся чаще, длиннее, но Софи не хочет узнавать правду, какой бы она ни была. В конце концов, никто из них не клялся в любви и верности даже на свадьбе. Пышной, яркой свадьбе с дорогущим тортом высотой с человека, с танцами до утра и поющими звёздами вместо диджея, с искренними поздравлениями и золотыми карточками вместо любви. Ей хочется посмеяться над собой, своей жизнью, но усталость наконец берёт своё.

Софи уносится в реалистичные сны, где она – отважный дракон, спасающий принцессу от раннего брака, где она – рыцарь, путешествующий на драконе, где она – принцесса, держащая в заложниках дракона, чтобы встретиться с его верным рыцарем. Сны сменяются слишком быстро, сумбурно, превращают друг друга в фарс и нелепость. Калейдоскоп картинок останавливается и зачем-то замирает на той, где она – Злая ведьма невезения, не дающая принцессам, рыцарям и драконам обрести счастливый конец.

Будильник премерзкой трелью врывается в голову, разрывает паутину кошмара, выпускает Софи в реальность. Женщина тяжело дышит, морщится от прохладного липкого пота и покачивающимися шагами скрывается в душевой. Привычные ежедневные действия возвра-

щают спокойствие быстрее всяких психологов. Умыться, сделать укладку и макияж. Красный брючный костюм в зелёную клетку ассоциируется с Новым годом, который наступит через две недели. Настроение стремительно взлетает вверх.

– Джордж, установите сегодня ёлку. – Софи спускается вниз, обувает лёгкие сапожки перед выходом из дома, накидывает пальто.

– Как скажете, миссис Грант, – соглашается неизменно вежливый, услужливый и такой родной дворецкий. Софи ослепляет его улыбкой.

В машину женщина и две девочки садятся молча. Что им обсуждать, если своё расписание каждая знает, об успехах отчитываются вечером и семейным днём назначена суббота, а не среда? Миссис Грант хотела бы поговорить с Люси, спросить её о сказках, о ведьме, о драконе, любящем сыр вместо мяса, о странной принцессе, которая побеждает всех и исправляет чужие ошибки. Хочется знать, какие курсы хочет пройти Люси, какой ей нужен редактор и готова ли она по-настоящему пробиваться в издательство... Софи не спрашивает, потому что в голове уже целый план, который можно будет привести в действие к обеду. Деньги способны решить большинство возможных проблем на писательском поприще.

– Учитесь усердно и помните, что вы Грант, – напутствует девочек женщина, даже не оглядываясь назад.

В ответ не вслушивается – отправляет команды секретарю, отделу закупок, юристам и даже клинингу.

Дзинь.

Как обычно, в половину восьмого Софи заходит к Молли, чтобы выпить любимый улун. Буря мыслей и чувств внутри совершенно не мешает миссис Грант быть грациозной и великолепной в глазах других.

– Мисс Гудроу, доброе утро! – Софи поливает руки антисептиком, растирает.

– Доброе, милочка, – соглашается Молли, присаживаясь на стул.

Софи садится на своё место, снова трогает золотистую корочку творожного рулетика ноготочком, сжимает между пальцев, заставляя крошиться. Откусывает.

– Люсиль пишет сказки, – отвечает женщина на незаданный вопрос.

– Ого-го! – Восторгом светится каждая морщинка на лице старушки. – Какие?

– Да какие там могут быть сказки, кроме драконов, принцесс и рыцарей, – отмахивается Софи, как от чего-то незначительного, хотя гордость так и распирает изнутри. – Только я в её историях – Злая ведьма невезения. – Искреннее волнение, тревога, страх скрываются за саркастической улыбкой.

– Она ведь ребёнок, – примирительно заключает Молли. – В этом возрасте каждому кажется, что родители – настоящее зло, с которым следует бороться изо всех сил.

– И мне от этого должно быть легче? – Приподнимает изящную бровку Софи. – Отправлю её на курсы писательского мастерства, пусть сразу учится как правильно, а не набивает бесконечные шишки о картонных героев.

– Порой нам нужно написать всего одну книгу в своей жизни, чтобы стало легче дышать. Не каждое хобби должно становиться профессией, не в каждом мимолётном увлечении стоит искать дело жизни, – философствует Молли, поправляя шаль на сливовом платье с белым воротником. – Иначе бы стала я юристом и не было бы у вас никакого кафе.

Мисс Гудроу хрюкает от смеха, на что Софи лишь морщится. Морщится от странных звуков, от обжигающе точных слов, от горького чая.

– Но, в конце концов, у каждого свой путь и жизнь всё расставит по местам. – Старушка примирительно подмигивает.

Софи не отвечает, гипнотизирует взглядом полупрозрачный зелёный чай. Хотелось бы ей вот так в детстве? Чтобы за каждым чихом следили, удовлетворяли нужды до того, как они возникнут, чтобы на каждое «хочу» приносили самое лучшее, самое нужное и важное

для побед? Завистливое тихое «пожалуйста» криком проносится в душе. Пожалуйста, дайте дышать, умоляю, не ломайте крылья, прошу, позвольте мне выбрать.

Выбор. Это слово отрезвляет, пугает, бесит и раздражает. Выбор, выбор, выбор. Она совершает их сотни за день, десятки тысяч за год. Решает, как девочкам жить, какие кружки выбирать и чего достигать, к чему стремиться, где одеваться. Лишает их того, в чём нуждалась когда-то. Жмурится, сжимает большим и указательным пальцами переносицу, выдыхает.

– Я не буду вмешиваться, пока она сама не расскажет. – Фарфоровая чашечка неожиданно громко звенит о блюдец. – По крайней мере, пока.

Софи скрещивает руки на груди, убеждая себя, что поступает правильно, что так будет лучше и Люси не станет всю жизнь с болью вспоминать, что мама рылась в её вещах, не давала вдохнуть.

– Мудрое решение, – качает головой Молли, скрывая печаль в мутных зелёных глазах.

Миссис Грант достаёт телефон, отменяет задачи по поиску курсов, наставников и редакторов для Люсиль. Вместо этого просит Джорджа следить и приносить новые копии раз в неделю.

Дзинь.

Болтовня на фоне больше не мешает, не отвлекает, но и в Софи не остаётся искренности. Она пьёт чай, много болтает, рассказывая, как здорово запланировала мероприятия на семейную субботу, как ей повезло, что её дочери выросли такими умничками и жизнь вообще прекрасна.

Молли улыбается, прячет в глазах печаль и тоску, совершенно точно не собираясь вмешиваться. Не собирается спрашивать, часто ли Софи говорит дочерям, что гордится ими, что любит, обнимает ли, когда у тех ручьями текут слёзы, даёт ли понять, что принимает девочек любыми и искренне желает подарить им весь мир.

Молли молчит, потому что несколько тысячелетий назад обещала, что больше не будет вершить судьбы других.

3. Жизнь первая. Стремления

Тёмно-серый невзрачный купальник сидит идеально в следующий вторник около двух часов. Ну, только если не смотреть в зеркало. Потому что купальник умудряется выгодно подчеркнуть недостатки фигуры и стереть достоинства – спрятать талию между пышной обвисшей грудью и сложившимся гармошкой живота, выделить дряблые бёдра, добавив им болезненно-жёлтого цвета. Шапочка с очками делают из неё и вовсе какого-то инопланетянина. Не вовремя вспоминается та юркая и стройная девочка, которая получала призы и медали. До тех пор, пока они не исчезли в пасти мусорного ведра.

Людмила Павловна остервенело натирает кожу мочалкой под горячим душем, будто бы весь жир и несовершенства исчезнут, если приложить побольше силы. Фигура остаётся неизменной и кажется даже хуже, чем пару минут назад. В сером она выглядит как неприметная мышь. Мокрая толстая мышь.

– Тоже мне, нашла кого слушать. Плавать в шестьдесят два! Чушь, да и только. Даже курам не смешно, – бухтит Людмила Павловна, топчась у бортика свободной дорожки.

Пока она касается пальцами воды, снимает и обувает сланцы обратно, ходит вдоль бортика и спорит с собой, мимо проходит высокая и стройная фигурка в бордовом, смело взбирается на тумбу и уверенно прыгает. Брызги попадают Людмиле Павловне на лицо. Мысль развернуться и пойти вязать тысяча тридцать первую пару носков скатывается по щеке вместе с капелькой. Пловчиха в бордовом выныривает на середине бассейна, и новый фонтан брызг разлетается от мощных, твёрдых гребков. Запах хлорки накрывает Людмилу Павловну неожиданно громко, смешивается с плавленным ароматом хвои и кедров, бьёт до боли знакомым ритмом. Один, два. Выдох. Три. Вдох. Один, два. Выдох. Три. Вдох.

Тапочки наконец остаются у бортика. Разминка и в воду – вот её цель. Весь комплекс упражнений Людмила Павловна помнит так, будто её всё ещё зовут Люськой, как сорок лет назад. Махи и вращения даются со скрипом, хрустом отвыкших от такого обращения связок и косточек, но улыбка не сходит с губ. Кажется, что даже поясница болит не так сильно, как утром. На прыжок не решается – обходит крайнюю дорожку по скользкой плитке, медленно спускается по лесенке. Бордовая торпеда успевает накрутить первые полкилометра.

Вода ласково холодит, обнимает дряблую кожу, бодрит разогретые мышцы. Глубокий вдох. Толчок. Гребки идут тяжело, будто бы ей приделали чужие неуклюжие руки, дали непропорциональные кривые ноги, которые сводит от напряжения. Лёгкие отказываются работать в таком режиме, устраивают забастовку и напоминают, что они, вообще-то, на пенсии. Касание. Первые двадцать пять метров оставлены за спиной. Безбашенная, по-детски счастливая искорка сияет на губах и зажигает огоньки в глазах. Людмиле Павловне хочется визжать от счастья, но силы есть только жадно глотать воздух. Вдох. Выдох. Этот ритм дыхания она держит, пока сердце не перестает выламывать грудную клетку. Разворот. Обратно.

Застывшие в многолетнем бездействии мышцы начинают оживать одна за другой, вспоминать, что есть ещё чудо истинного наслаждения от работы. Людмила Павловна гребёт, колотит по воде ногами и старается не нахлебаться оттого, что хочется смеяться и громко петь. На десятом круге женщина выдыхается и долго-долго стоит у бортика, глядя в панорамное окно. И вид улицы из окна бассейна какой-то совершенно другой. Те же проспекты, тот же город, но всё какое-то иное. Люди кажутся счастливее, погода добрее, и весь мир словно горит сотней маленьких капелек на солнце.

– Переутомилась, – выносит она вердикт с усмешкой.

– Да кто же в первый день так носится! Ух, завтра с кровати не встанешь, – добродушно посмеивается бордовая торпеда хрипловатым голосом.

– Откуда вы знаете, что я здесь первый день?

– Бабуля Сондра всё знает, – подмигивает женщина, снимая очки. Людмила Павловна замечает глубокие морщины на её лице, седые брови.

– Вы, наверное, бабушка Ивана? – догадывается Людмила Павловна.

– Именно так. А вы?

– Людмила Павловна. Вот плаваю тут потихоньку. – Она смущённо прячет глаза от неловкости. Куда она, а куда Сондра!

– Похвально, – мягко ободряет старушка, но Людмила Павловна не может найти ничего похвального в попытках не утонуть.

– А вы?

– Готовлюсь к соревнованиям. В этот раз я не уступлю Алише, – воинственный настрой Сондры восхищает и пугает одновременно.

Голос в голове напоминает, что Людмила Павловна и сама собиралась вспомнить дух соревнований, но... Где же те пенсионеры, которые едва ли передвигаются в воде? Где самые скучные и лёгкие соревнования, в которых достаточно просто плыть? Где её фантазии дали трещину реальности?

– «Золотая рыбка»?

– Она самая, – хищно скалится Сондра, демонстрируя ту же акулю улыбку, что и её внук. – А затем «TooOld» и «Попробуй доплыви». Я надеру её тощую задницу во всех соревнованиях этого года!

– Удачи, – не слишком искренне желает Людмила Павловна, заливая последний огонёк надежды в сердце. Не плавала – нечего было и начинать.

– Спасибо, красотка. – подмигивает бордовая торпеда, прижимает к лицу очки и ныряет.

Людмила Павловна со вздохом смотрит вслед новоиспечённой то ли сопернице, то ли недостижимой мечте, то ли возможной подруге. Качает головой, прикрывает веки и сдаётся. Опять. Вылезает из прохладной воды, пошатываясь ползёт к бурлящему мини-бассейну. Вода в нём горячая, почти обжигающая. Массажные струи, сильные, мощные, разминают каждую горящую мышцу, трепыхают дряблую кожу. Взгляд то и дело скользит на двадцатипятиметровые дорожки.

Людмила Павловна снова чувствует себя пятнадцатилетней: она, юная девочка, стоит на тумбе, цепляется пальцами за шершавый край и ждёт третий свисток, готовый прозвучать в любую секунду. Сердце в волнении бьётся, мешая слышать, но тонкая трель пробивается сквозь тревогу. Мощные ноги совершают привычный толчок, руки птицами взлетают ввысь. Вода встречает её мягко, нежно, будто мать, ловит своё дитя и помогает быстрее лететь навстречу мечте. Люсенька несётся, торопится, ритмично дышит, плавно ведёт руками и быстро-быстро пинает воду ногами. Сегодня она впервые будет гордо стоять на пьедестале и не уйдёт с него ещё пять лет. Будет занимать первое, второе и третье места, будет встречать новых соперниц, менять тренеров. Всё изменится, а Люсенька останется. Останется на пять самых счастливых и невероятно тяжёлых лет.

Людмила Павловна слишком расслабляется и слетает под напором воды с маленькой металлической скамьи. Возвращается в реальность, закашливается и бредёт к лестнице. Нет, не видать ей больше кубков, медалей, побед. Отстояла своё, хватит. Теперь время шипящей сковороды, чистых полов, горы носков и бразильских сериалов. В шестьдесят два мечтать уже просто неприлично и стыдно. Она и не мечтает. Только поливает робкие надежды и желания крутым кипятком разочарований. Чтобы точно не проросли.

Вместо них неплохо растут базилик, кинза и лук на подоконнике, горошек тоже радуется побегами и ресторанным колоритом в тарелке. Правда, в ресторане Людмила Павловна никогда не была, так только в кафешках, но по телевизору видела вместе с тыквенными и льняными

семечками, от которых воротит нос Бекс. В общем-то, ей и самой не слишком нравится, но польза, польза-то в еде должна быть!

А в плавании пользы нет, никакой совершенно. Так мама её всегда говорила: плечи широкие, задница плоская, руки как у мужика, да ещё и волосы сыплются. Впрочем, Люсеньку это не останавливало – первой красавицей она никогда не была, да и вряд ли бы удостоилась простого «симпатичная». Люсенька своя в доску, очешуенная и харизматичная, но никак не прекраснейшая из женщин, не то что мама. Мама у неё вся лёгкая, воздушная, как фея. Летаёт тут и там по квартире, в свою бухгалтерию носит юбочки, платица и туфельки на каблук. Люсенька не такая – коренастая, грузная, топчет как слон.

«Вся в отца».

Это Люсенька слышать привыкла и тогда, когда мама была жива, и после. Людмила Павловна тоже в отца – не порхает, тяжело ступает, но очень вкусно готовит.

– Ба, а ещё пирожки остались? – с жалостливыми глазками просит Бекс, болтая ногами под столом.

– Остались, внучок, остались, – с удовлетворением кивает Людмила Петровна, восхищённая небывалым аппетитом. – Да если бы и закончились, то напекла бы. Мне что, сложно, что ли?

Бекс гудит что-то в ответ с набитым ртом.

– Да прожуй сначала, прожуй, – журит его бабушка с мягким теплом во взгляде.

– Целый месяц до школы, – наконец проталкивает еду Бекс, – а меня эта Салли так уже на подготовительных достала своей чушью и небылицами. Надеюсь, мы попадём в разные классы.

– Так то не беда, не слушай глупости, – пожимает плечами Людмила Павловна. – Мне вон Лизка Петрова не нравилась, а к классу пятому уже не разлей вода были.

– Не, чудес не бывает, – с недовольной физиономией Бекс засовывает в рот последний пирожок с яйцом и луком. – Я ф ней друфить не фофу.

Людмиле Павловне хочется поспорить, доказать, объяснить, что нужно в чудо верить, чудо делать, но... она и сама в них не верит лет с четырёх – тогда папа ушёл в рейс и не вернулся. Ни на Новый год, ни на первую, ни на её день рождения. Исчез. Совсем.

Бекс ласково чмокает жирными губами бабушку в щёку и убегает в другую комнату. Со штампом детской любви дышать чуточку легче. Ещё легче становится следующим утром в уютном зале кафе «Жизнь».

Липовый чай бережно греет руки, вязко тащит душевную боль, какой-то магией вытягивает из сердца правду. Людмиле Павловне страшно. Страшно чего-то хотеть, к чему-то стремиться, страшно нырять и плыть за победой. Она теперь плавает по понедельникам, средам и пятницам, чтобы больше не видеть Сондру.

– Она ведь вся такая... другая! – по-детски обиженно дует губы Людмила Павловна.

– Разве? – Молли ловким движением взбивает подушки на креслах, протирает стол.

– Сондра худая, бодрая, энергичная. От неё прям такая жизненная сила исходит. И участвует она уже в этих ваших соревнованиях. – Людмила Павловна затыкает горечь зависти кусочком ежевичного пирога.

– Так и ты участвуй, дорогуша. – Молли наконец перестаёт суетиться вокруг и усаживается на кресло-подушку. Шаль скатывается с сутулых плеч, позволяя баклажановому платью с высоким воротом выглянуть наружу.

– Зачем? Победитель уже определён, – отмахивается Людмила Павловна, оплакивая победу в соревнованиях, на которые даже не подала заявку.

– Вы с Сондрой в разных возрастных категориях. Если повезёт только лет через восемь и встретитесь на дорожке, – усмехается Молли, вытаскивая из кармашка шали две длинные спицы и клубок фиолетовых ниток.

– Восемь?

– Сондре семьдесят один.

Людмила Павловна в очередной раз заходит в тупик и молчит. Молли не спешит спасать подругу от собственных мыслей, лишь спокойно считает ряды в недвязанном шарфе.

– А давно она плавает?

– Не знаю, года три, наверное? Сондра никогда не считала годы, чтобы решить, когда для неё уже поздно, а когда нет.

– И что же, даже в балет не поздно? – усмехается Людмила Павловна.

– Если танцевать для души, то не поздно. А если на сцену, то, может быть, и поздновато, – совершенно не смущается Молли, создавая узор.

– Да брось, это же глупо. Мир устроен так, что только у детей и молодых есть возможности и шанс изменить жизнь. В нашем возрасте пора уже думать о покое, доме, внуках и болячках.

– Ты можешь думать о чём угодно, дорогая моя. Лишь бы это делало тебя счастливой. – Молли отрывается от вязания, пронзает подругу взглядом потускневших глаз, как иглой протыкая шарик её страхов.

Становится неуютно, неприятно и стыдно. Людмила Павловна кусает губы и отчаянно не хочет признавать, что это она сама выбрала бояться перемен. Оправдывается, что бабушкам положено быть бабушками, а не сходить с ума на старости лет. Но тысячи раз залитая надежда всё равно зажигается снова и снова.

– И что мне, плавать, что ли? – не выдерживает саму себя в собственной голове Людмила Павловна.

– Можно и плавать, – даже не собирается спорить Молли.

Чай в кружке стынет, превращается в сопливи тнущуюся жижу, которую больше не хочется пить. Людмила Павловна остаётся наедине со своей коричневой кружкой, пока Молли встречает новых гостей: рыжего Андреса и сгорбившегося кудрявого мальчишку в очках. Они что-то увлечённо обсуждают, размахивают руками, громко и открыто смеются, раскладывая ворох бумаг на столе.

Людмила Павловна завидует. Завидует их молодости, улыбчивости, способности мечтать и творить. Где-то под сердцем зудит, напоминая, что она может так же. Спорить с собой и ругаться с тараканами в голове вовсе не хочется. Хочется разбежаться и нырнуть в воду, проплыть юркой рыбкой бассейн, жадно схватить ртом воздух. Хочется чёрный купальник с фиолетовой полоской, удобные тапочки, яркую шапочку... Хочется жить.

Людмила Павловна встаёт, первой прощается с Молли её же словами:

– Жизнь тебя любит, я побежала!

– Жизнь тебя любит, – добродушно соглашается Молли, ставя перед Андресом тарелку жареных чуррос, а перед Эйтом – кружку с травяным чаем.

Людмила Павловна домой даже не бежит, а летит – взбирается на восьмой этаж сама, не в силах утерпеть и дождаться лифт. Сердце покальывает, лёгкие разрывает, но она не сдаётся. Хватает пакет, спускается по ступенькам и чуть прихрамывая ковыляет в него – бассейн «Луч». Ей кажется, что и не было последних сорока двух лет тоски.

Тогда она так же спешила домой из института каждый день с одной целью – схватить купальник, тапки, очки с шапочкой и снова нырнуть. Вынырнуть, вдохнуть – и в воду. Погода за окном сменялась с солнца на слякоть, со слякоти на снег, со снега на распускающиеся почки и обратно в жару. Не менялась только Люсенька, которая ровно в три часа обязательно стояла на тумбе, ожидая свистка. Тот день ничем не отличался от сотен предыдущих – ни новых признаний в любви, ни плохих оценок, ни разодранных колготок, ни судорог, ни порванных связок. Тот день навсегда оставил шрам на сердце.

Дом встретил Люсеньку какой-то гнетущей тишиной, напряжением в районе лопаток. Всё вроде как обычно, но и совсем не так.

– Мам? – грохот воды и посуды на кухне не прекращается, на зов никто не отвечает.

Люсенька пожимает плечами, скидывает ботинки и, как обычно, заходит в комнату переодеться. Хватает несколько секунд, чтобы осознать – всё пропало. Все начищенные до блеска золотые и серебряные медали, запрятанная поглубже бронза и восемь стройных изогнутых кубков исчезли.

– Мама... – испуганно тянет Люся, протирая глаза не то от подступающих слёз, не то от недоверия. – Мам! Нас ограбили!

Осознание вопиющей несправедливости жизни пробивает её на слёзы. Люсенька спотыкаясь бежит на кухню, уверенная, что грабители не стали бы мыть посуду перед уходом. Лариса Викторовна обтирает руки полотенцем и элегантно садится пить чай из фарфоровой кружечки. На столе уже ждёт вазочка с миниатюрной ложечкой для липового мёда.

– Выпрями спину, не тараторь, – недовольно отчитывает она дочь. – И не говори ерунды, нас не могли ограбить.

– Но мои медали... – Люся прекращает горбиться, говорит чётко, разборчиво, когда хочется просто кричать.

– Ах это... – Мама безразлично отмахивается. – Я их выбросила. Хотела в ломбард сдать, да там смотреть даже не стали. Дешёвка.

Дешёвка. Годы усердных тренировок, ненависти и подлости от соперниц, десятки травм и литры пролитых слёз действительно ничего не стоят. Как и она сама.

– Зачем? – Слёзы застаиваются в уголках, не смеют капать, когда им запретили.

– Зачем? – приподнимает выщипанную бровь Лариса Викторовна. – Затем, что ты подала заявление о переводе без моего разрешения. Тренер по плаванию, не смешите меня! Я не собираюсь кормить тебя до самой смерти.

Люся замирает, вспоминая: да, ей предлагали. Она тогда посмеялась и сказала, что мама её убьёт – лучше остаться на экономическом. Видимо, Олег Викторович решил иначе. Люся прогрызает губу до крови и даже не пытается спорить. Бессмысленно, бесполезно, болезненно.

– Что, молчишь, а? Стыдно стало? В глаза мне смотри!

Люся смотрит. Недолго, конечно. Этот острый злобный взгляд выдержать трудно, почти нереально. Люся смотрит на маму, смотрит в окно на зеленеющую листву. Там всё так же дует ветер, всё так же светит солнце, всё так же клюёт крошки воробей. Только в Люсиной жизни больше ничего не будет так же. К двадцати одному году Людмила ненавидит мёд, не надевает купальник и резиновую шапочку, живёт от мамино одобрительного кивка до её же горделивой улыбки.

Солёные, жгучие слёзы медленно заполняют плавательные очки, чтобы водопадом прокатиться по морщинистым щекам. Хочется сжаться в комочек, обнять себя, спрятаться от мира и спросить «почему». Почему столько лет она потратила, чтобы мама улыбалась? Мама улыбалась, а Людмила каждую ночь рыдала в подушку. Мама улыбалась, а Людмила Павловна выдавливала улыбку в бухгалтерии. Мамы давно нет, а Людмила Павловна вновь вытирает слёзы, поливает ими иссохшее поле мечтаний и желаний.

Слёзы текут каждый раз, когда она ныряет. Плыть совершенно невозможно – она врежется в канат, в бортики, в людей. Слёзы заканчиваются только тогда, когда Людмила Павловна приходит в бассейн каждый день – так у неё не остаётся сил, чтобы плакать.

Утром – к открытию, вечером – за два часа до закрытия. Вот новый план жизни Людмилы Павловны. Плыть, плыть, плыть. Грести, грести, грести. Тысяча метров, две, три. Брасс, кроль, на спине и даже баттерфляй – всё становится ей подвластно в воде. Заявка на «Золотую рыбку» отправляется в последний день. Жажда вновь услышать своё имя, заветное «на старт, внимание» и короткий, но острый как бритва свисток становится одержимостью.

Ютуб, рутуб, тренер – её помощники на пути к победе. Кафе «Жизнь», Молли и Бекс – её свободное время. Вся жизнь подчиняется одной цели – выступить и победить. Телефон

складывает пропущенные сообщения и звонки в трёхзначные цифры – некогда. Друзья беспокоятся, волнуются и просят найти для них время. Раньше Людмила Павловна звонила сама, приглашала на чай, предлагала пройтись по парку.

«Занята».

«Не могу».

«У меня тренировка».

Недовязанный носок покрывается пылью, купальник истирается, лишний вес тает. Яркая шапочка, фиолетовая полоса на чёрной ткани, широкие очки, акуля улыбочка продавца. Вдох, гребок, гребок, выдох, гребок, вдох. День за днём, месяц за месяцем ближе к решающей схватке. Плыть, плыть, плыть.

4. Жизнь третья. Осколками

Спустя три кружки пряного горячего шоколада с чилийским перцем и две тарелки нежнейших чуррос Андрес так и не написал ни строчки. Он уже выучил наизусть вопросы анкеты, отколупал короткостриженным ногтем каждый кусочек застывшей глины на джинсах, десять раз смял и расправил несчастный листок бумаги.

– Не знаешь, какой ответ вписать? – скрипучий голос застаёт Андреса врасплох, заставляет подпрыгнуть.

Молли чудом не опрокидывает горячий напиток на него.

– Знаю, но не хочу, – честно признаётся Андрес, разглядывая пузатую зелёную кружку с отбитым кусочком глазури. Отпивает, исследует руками каждый изгиб и выемку, словно пытаясь вспомнить те неумелые руки, создавшие кривое чудовище. Чудовище, которое тётушка Молли даже не разрешает заменить новым творением.

– Разве можно решать, кем хочешь стать в семнадцать лет? Это же на всю жизнь! Конечно, все решают, и я решу, но... – Андрес беспомощно взмахивает руками, не зная, как выразить мысль.

– А кто сказал, что ты должен решать раз и на всю жизнь? – Молли смотрит с удивлением, непониманием, будто впервые слышит подобную глупость.

Андрес замирает на несколько мгновений, а затем снова сминает бумажку в руках:

– Нет, тётушка Молли, с моим отцом вы выбираете один раз и навсегда.

– В таком случае выбирай то, о чём никогда не пожалеешь. – Молли с мягкой улыбкой забирает давно опустевшие кружки и, шаркая галошами, уходит обратно за барную стойку. Тёмно-алое платье, надетое старушкой утром, подчёркивает желтизну её кожи.

– О чём не пожалеешь?.. – Андрес вздыхает, отодвигая от себя чуррос. – Да я уже жалею, что вообще родился на свет.

Какое-то время он сидит недвижимо, как статуя, теряется в страхах, тонет в мыслях, крепко сжимая анкету в пальцах. Крутит помятый лист по столу, поднимает над головой, кладёт на кресло, на диван, прилепляет к окну, но так и не оставляет на нём чернильный след. Взгляд упирается в золотую оправу часов над камином.

– Тик-так, тик-так, – злорадно хихикают часы, вплотную приближая часовую стрелку к четвёрке.

Андрес вскакивает:

– Да разобьёт меня молния! Сеньор Рамос опять прогонит меня.

Парень торопливо бросает парочку смятых купюр на стол, подхватывает потрёпанный рюкзак и на бегу прощается с Молли.

– Тётушка, я приду в другой раз.

Дверной колокольчик звенит, когда Андрес ураганом пронесётся мимо.

– Жизнь тебя любит, дорогой, – ласково отвечает старушка, опрыскивая жёлтые орхидеи у входа.

Длинные ноги в потрёпанных джинсах ускоряются, выскрипывают страдательные мелодии кедами и несут своего хозяина в рай. Цветастые витрины магазинов пролетают слева и справа, встречают ароматами круассанов, острого супа и сочной зелени, дурманят сладкими духами, сводят с ума боем часов. Андрес хватается за круглую ручку, тянет на себя погрызенную короedами дверь, оставляет за спиной последние две секунды до четырёх.

– Проваливай жарить спаржу! – с ходу рычит Пако Рамос, не отрываясь от вращающегося круга.

– Я сегодня не опоздал, мастер, – жизнерадостно улыбается Андрес, пряча рюкзак в маленький шкафчик. Ловкие пальцы быстро подхватывают чистый фартук, сжимают скользкую ткань, тянут за лямки, затягивают их в замысловатый узел. – Часы не успели пробить до конца.

– Успели-успели. Мои пробили четыре раньше, чем ты показался в конце улицы – старый гончар ворчит, отпуская педаль. Тонко вытянутая ваза, готова склонить широкое горлышко вниз, но, видимо, из уважения к мастеру не позволяет себе такого позора.

– Городские вернее, – счастливо вяжется в вечный спор Андрес, перебирая пальцами глину, как клавиши фортепиано.

Серая, коричневая, красная, голубая и чёрная масса отвечают ему едва слышным глухим стуком.

– Белую не трожь, на неё заказ, – тут же окрикает ученика сеньор Рамос.

– Вы её уже отложили, мастер, – напоминает Андрес, отрезая струной кусок чёрной глины.

Руки подрагивают в нетерпении, мнут, отбивают плотную массу, выколачивая из неё пузырьки воздуха. Фантазия уже рисует в голове, творит кружку, напоминающую извержение вулкана. Неравномерно размешанная смола уже стекает по глубоким щелям и разломам, внушает благоговение и капельку страха. Андрес прикрывает глаза, погружается в ощущения. Удар. Удар. Хлопок. Нежная, прохладная, с землистым запахом болот глина сталкивается с кожей, дарит восторг.

Для всех пятница – тот день, которого ждут, чтобы расслабиться, отдохнуть, прожить за короткие выходные всю усталость рабочей недели и отпустить. Андрес же считает часы до пятницы, потому что ему разрешено заниматься своей собственной коллекцией, отдаваться воображению, а не выполнять заказы, за которые платят деньги.

Громкое «бум» разлетается по комнате, растягивает пласт глины на столе. С каждым новым «бум» уголки губ Андреса поднимаются выше и выше. Страхи забываются, расползаются, как тараканы, когда на кухне внезапно включается свет. Безликий кусок чёрной глины скоро становится достаточно плоским, отбитым и готовым к использованию. Гладкая деревянная скалка ласкает, раскатывает чёрный комок в большую, достаточно толстую лепёшку. Скальпель, вырубка, вода. Тонкий пласт становится стенами, небольшой круг занимает место дна. Андрес колдует не руками, а сердцем.

Глина под пальцами кажется куда податливее, мягче и стоворчивее, чем жизнь, когда послушно выгибается, принимает форму изогнутой ручки. Андресу кажется, что он парит, твёрдо стоя на земле. Создать целый мир легче лёгкого, если у него есть гладкая масса любого цвета. Создавать же реальную жизнь... тяжело. Андрес грустно усмехается, мечтая вылепить себя из глины и посадить за гончарный круг навечно. Позволить обрести свободу хотя бы маленькому, фальшивому себе.

Часы летят незаметно, пока шликер надёжно скрепляет стенки будущей кружки, удерживает дно и ручку, испещрённую вулканическими трещинами. Андрес работает сосредоточенно: пальцы крутят, мнут, берут стеки и всё выводят горные массивы, создают неведомые растения, склоны и тропки. Кажется, что ещё миг и глина затрещит, разразится грохотом, выплюнет потоки магмы, запоёт сотнями испуганных птичьих голосов.

– Красиво, – с нотками уважения произносит мастер над ухом, выводя Андреса из творческого транса.

– Да, – нескромно соглашается парень. Сегодня он и правда создал шедевр, которому, как и всем остальным, суждено покрываться пылью на полке.

Андрес прислушивается к бою часов, отсчитывает удары. Семь. Бессердечные стрелки продолжают откусывать по кусочку от его надежд, мечтаний и стремлений, отсчитывают минуты до возвращения домой. Домой, где всё подчиняется правилам, мыслям и фразам отца.

Домой, где есть только одно мнение, одна правда и лишь две полки для душевных порывов. С тяжёлым вздохом Андрес оставляет своё творение сушиться, чтобы запечь его через неделю. Жизнь от пятницы до пятницы – что может быть печальнее?

– Сеньор Рамос, мне пора. – Андрес поджимает губы, мнёт в руках фартук, оставляет на нём отпечатки. Аккуратно кладёт запечённую мастером кружку в рюкзак.

– Иди-иди, малыш, – несколько раз кивает Пако Рамос, обмахивая новую вазу кистью. – Возьми выходные, у тебя скоро экзамены.

– Нет, не нужно, – Андреса передёргивает от одной мысли о нескончаемой учёбе. – Я справлюсь.

Некстати вспоминается измятый листочек анкеты. Точно ли справится? Вопрос следует за ним по пятам, сидит на плече, нашёптывает сомнения, угрожает, умоляет, запугивает изо всех сил до самой обычной деревянной двери. Дом встречает Андреса ароматом куриного супа, маминых французских духов и тяжёлым запахом отцовских сигар.

Серые кроссовки бесшумно опускаются в обувницу.

– Опять в своей грязи ковырялся? – рыкающий голос отца бьёт по ушам, вызывает желание забиться в уголок и стать невидимкой.

– Глина, папа, я леплю из глины, а не из грязи. И мне за это деньги платят, – негромко возражает Андрес, поправляя и так идеально висящую джинсовую куртку.

– Да? И тогда почему ты висишь на моей шее? Плати за еду, за воду и обслуживание. Деньги ему платят, ха! – Отец не выдерживает и выскакивает из кухни, вытирая руки ржаво-зелёным, давно не отстирывающимся полотенцем. Выглаженная синяя рубашка обтягивает его расплывшееся тело, подчёркивая каждую складку на животе.

– Этим на жизнь не заработаешь, сынок, – пытается смягчить жестокие слова мать, прячущаяся за плечо мужа. Рыжие кудри опять идеально выпрямлены и собраны в конский хвост.

– А чем зарабатываешь? – шёпотом наступают на мину Андреса.

– Юриспруденцией и медициной. Спасай жизни и никогда не останешься без денег. Люди вечно болеют и влезают в неприятности! – Широко размахивает руками отец, вдальбывая в глупую голову сына непререкаемые истины. – Сотню раз уже объяснял, а ты всё в грязи. Завтра же отправишься к тётушке Селии. Уж она тебе растолкует историю, искусство, философию и литературу.

– Вито, Андрес, хватит. Вы сейчас весь аппетит перебьёте, – мама наконец набирается смелости, чтобы вмешаться. – Я позвоню Селии и договорюсь.

Андрес стоит на пороге, глядя на отца и мать как будто впервые. Ему мерещится, что им уже глубоко за восемьдесят, а мама всё ещё по три часа в день выпрямляет кудряшки, чтобы угодить отцу. Отец уже обрюзгший настолько, что занимает собой целый дверной проём, но всё так же недоволен мамой, им самим и жизнью. Андрес протирает глаза. Галлюцинация отступает. Отступает и Андрес:

– Я не голоден.

– Мать сказала...

– Оставь его, Вито! – Тянет отца за рукав Альба, отбирая замызганное полотенце. – Поест потом.

– У нас принято ужинать семьёй! – рычит Вито в сторону сторбившегося сына.

Андрес сбегает. Прислоняется спиной к двери комнаты, впивается взглядом в полки, покосившиеся, прогнувшиеся под тяжестью керамических кружек, тарелок, вазочек, фруктовниц, чайников и сахарниц. Они толпятся, сжимаются, пытаются ускользнуть от ожесточённой злобы создателя, защищаются слоями серой пыли.

– Может, папа прав, а? Для чего мне вся эта... грязь? – Андрес всматривается в каждый скол, каждый неудачный узор, плохо продавленный изгиб и злится.

Бездарно. Бесплезно. Никудышно. Никчёмно. Уродливо.

Никому не нужно.

Длинные пальцы дрожат, вытаскивая из рюкзака кружку, скрученную в форме морской раковины. Рука поднимает последнее запечённое творение повыше и замирает. Раз, два, три. Кружка с грохотом летит на скрипучие доски, раскалывается на несколько крупных кусков. Вместе с ней разбивается и что-то внутри Андреса. Что-то доброе, светлое, надеющееся и верящее. Андрес жмурится, крепко сжимает веки, медленно идёт к полке, хранящей тепло его души. Ему хочется наступить на осколок, вспороть ногу, остановиться, не позволить себе сотворить задуманное, но даже с закрытыми глазами он умудряется не окрасить стопы кровью.

Сто двадцать восемь пятниц его жизни выглядят осиротевшими, тусклыми, безжизненными, когда творец собирается превратить их в разноцветные осколки. Андрес берёт в руки ту самую первую кривую тарелку в виде глазуни. Жёлтый центр для соуса и белый край для еды. Как он гордился своей гениальной идеей, когда впервые пришёл в мастерскую, как хохотала мама, перебирая возможные блюда для этой тарелки. Как кривил губы отец.

Пальцы гладят изгибы, неровности, а мозг лихорадочно перебирает воспоминания. Высокий маяк как колпак для ночной свечи. Мамины аплодисменты. Супница с весёлой собакой на дне. Мамино выдавленное сквозь смех «кто быстрее вычерпает суп и позволит собачке дышать». Мельница. Мамина тоска, ведь он слепил ту самую, на которой она раньше жила. Телега с покосившимися колёсами. Мама, с восторгом предлагающая подавать в ней варенье на стол. Шкатулка в виде подсолнуха. Мамино удивлённо-восторженное спасибо за так давно недаренные цветы.

И каждый раз папино недовольство: взгляд, полный презрения, губы, сжатые в тонкую полоску, сморщенный нос и лекция «головастый парень тратит своё время на грязь, как свинья вонючая». Упрёки, намёки, прикрикивания, угрозы. Слышал ли он от отца что-то другое?

– Тупее бы и не родился, – тянет Андрес, взъерошивая рыжие волосы.

Как он мог быть так слеп? Всё, что хотел от него отец, – престижная специальность, дипломы с отличием, дом в Саррии... Достичь того, чего не смог он сам, так сможет ли Андрес? Сможет ли посвятить себя учёбе, карьере, зарабатыванию денег? Сможет ли заслужить хотя бы одно «я горжусь тобой»? Ответов на эти вопросы нет, как и на тот, что был в анкете. Он будто маленькая гирька, которая должна нарушить равновесие рычажных весов своим выбором.

Андрес решает. Включает свет над столом, собирает осколки с пола, сметает их веником, который украдкой удаётся добыть из кладовки, убирает маленький кактус в сомбреро, берёт в руки телефон и делает сотни кадров. Щёлкает камерой, выкладывает объявления одно за другим, продаёт мечту всего за два евро – меньше стоимости кружечки кофе. Щёлк. Щёлк. Щёлк. Ваза с эффектом вмятин от пальцев подставляет белоснежные бока телефону. Клац. Клац. Клац. Горшок в виде кита выставлен на продажу.

Андрес справляется за два часа. Двести пятьдесят четыре евро – столько стоят осколки гончарского сердца. Андрес смотрит на объявления пустым взглядом, машинально листает их пальцем, прокручивая ленту от начала к концу и обратно. Полки снова прогибаются под тяжестью изделий из глины. Андрес сворачивает Wallapop, открывает браузер и торопливо, словно боясь обжечься, печатает в поиске «Автономный университет Мадрида». Теряется в требованиях, условиях поступления, составляет план подготовки к экзаменам.

Горло пересыхает, будто стягивается невидимой петлёй от каждого слова. Ручка настойчиво обводит первый пункт плана: уволиться из мастерской. Будто выдавленный круг возле единицы может облегчить задачу.

– У взрослых нет времени на глупости, – повторяет Андрес слова отца, мучительной болью пронзающие тело.

Он ложится в кровать, накрывается одеялом с головой, не желая больше никогда выходить за пределы спасительного покрывала. Не отвечает на тихий стук матери, не открывает

дверь воплям отца. Не спит. Лишь молча смотрит, как луна сменяется солнцем, слепящим до слёз, а не открывающим новый день тёплым лучиком.

Тошнотворные запахи томатов, чеснока и обжаренного хлеба проникают даже через плотно закрытую дверь. Андрес с трудом выкатывается из одеяла, трёт покрасневшие глаза, забегает в ванну, пытается смыть мерзость родительского завтрака со своего лица. Возвращается в комнату, хватая рюкзак, набирает в лёгкие побольше воздуха и сбегает. Ноги впрыгивают в старые кеды, а в спину летит рык отца:

– Не сдашь анкету – не возвращайся!

Андрес не отвечает. Уличная свежесть приносит облегчение, стирает тошноту. Андрес пинает маленький камушек под ногами, преследует его до самого кафе «Жизнь», которое так и манит горячим шоколадом с перцем чили, свежими чуррос и надеждой. Андрес смотрит на плющ, увивающий колонны под вывеской, разглядывает жёлтые лампы сквозь высокие окна. Отворачивается. Уходит. Идёт полупустыми улицами, заглядывает в окна, ловит чужие улыбки, слёзы, ругань, объятия. Внутри отчего-то пусто, словно бездна вытянула эмоции, оставив после себя тоскливое ничего.

Школа встречает своего первого ученика светлыми коридорами и гулким эхом. Андрес садится за стол, смотрит в окно и отрывается от созерцания, только когда класс пустеет. Подхватывает рюкзак, который так и не открывался сегодня, вздыхает. Бредёт длинными улицами, глядя лишь на брусчатку под ногами, пинает камушек, пока не возвращается к плющу, жёлтым лампам и тёмно-зелёной вывеске. Колокольчик задорно звенит, впуская его в объятия шоколада и кофе.

Зелёная кружка с отколотым бочком согревает ладони, чуррос манят золотыми волнами, но Андрес лишь смотрит, не решаясь попробовать.

– Тётушка Молли, мой анкетный лист ещё у вас?

– Конечно, дорогой. Ты решил вопрос? – Молли с мягкой тоской роется в кармане шали, выуживая абсолютно гладкую бумажку.

– Да, решил. – Андрес упрямо сжимает губы в тонкую полоску, повторяет как мантру название института и факультета.

Ручка быстро скользит, оставляет аккуратные буквы в строчках, рассказывает о принятом решении. Молли сжимает плечо Андреса, печально смотрит и забирает пыльную зелёную кружку с отбитым бочком. Шаркающие шаги удаляются, оставляя Андреса наедине с сожалениями. Одинокая слеза едва касается бледной щеки и тут же вытирается крепко сжатым кулаком. Громкий вдох и шаркающие шаги сплетаются с горечью крепкого кофе, налитого в высокую белую кружку с глупой надписью «у работы три плюса: зарплата, отпуск и пятница».

– Тётушка Молли, я ведь поступаю правильно?

– А что, по-твоему, правильно? – Молли не уходит, роется в многочисленных карманах, будто что-то ищет.

– Когда все счастливы – это правильно? – Андрес спрашивает, оттягивая момент, когда придётся хлебнуть мерзкий напиток.

– Тю, разве кто-то один может сделать счастливыми всех? – Молли придвигает стул поближе к столу и величественно садится.

– Нет, но можно же попытаться? – Андрес вертит ручку в пальцах, смотрит на взбитую пенку в кружке.

– Зачем?

– Что?

– Зачем пытаться? – уточняет Молли, видя растерянность собеседника. – Можно плыть по течению, сложив вёсла в лодку, совершенно не зная, куда приведёт тебя жизнь. Можно грести веслом против течения, просто борясь с обстоятельствами и жизнью, доказывать, что достаточно силен и вынослив. Можно грести, складывать вёсла, снова грести и снова скла-

дывать. Можно спланировать всё и потратить половину жизни на расчёты, размышления, но потом сесть на мель через десяток миль. А можно просто идти по воде, потому что никогда не думал, что нужно бороться и куда-то плыть.

– Вы снова говорите загадками, – давит улыбку Андрес, поднося кофе к губам. Морщится.

– На то я и старушка, – смеётся Молли, складывая руки на круглом животе.

– Наверное, я гребу против течения, да? – Андрес спрашивает нервно, неуверенно, как двоечник, отвечающий на сложный вопрос.

– Ты плывёшь по реке так, как выбираешь сам. – Молли подмигивает мальчишке, отражающемуся в стёклах её очков, и встаёт, откликаясь на очередной звон колокольчика.

Только с уходом старушки, Андрес замечает, что золотистые чуррос сменились кусочком яблочного пирога. Он разглядывает маленькие коричневые точки-вкрапления корицы, небольшие кубики яблока, воздушное хрустящее тесто, но не видит их. Кислая сладость выпечки кусает язык, возвращает вкус жизни. Андрес морщит нос, украдкой косится на Молли, которая о чём-то радостно болтает с высоким блондином, похожим на того самого крутого агента 007. Дышит.

– Давай, соберись, ты не должен жалеть, – убеждает он себя, поглаживает синие буквы, будто пытается соскрести ногтями слова. Не получается.

Кофе обжигает язык, оставляет три коричневых капли на бумаге. Дышать становится легче от мысли, что лист вот-вот разгорится, обуглится в этих местах, исчезнет. Андрес идёт на сделку с совестью:

– Хорошо, хорошо, если там будет хотя бы десять заказов, то я...

Он замолкает, оставляет лазейку для побега из ловушки собственных слов. Жмурится. Тянется к телефону, запускает светло-зелёную иконку. Поток сообщений обрушивается уведомлениями о продажах, заказах и благодарностях. Веки забывают моргать, красные искусанные губы приоткрываются, дрожащие пальцы не попадают по кнопкам. Кофе остывает, пирог становится сухим и обветренным, пока Андрес на салфетках записывает адреса, имена и заказы.

Шаркающие шаги приближаются, вздымают волнами радость в сердце.

– Тётушка Молли, тётушка Молли! Они... они... – Андрес не знает, как объяснить, рассказать о том, что его выбрали. Купили, заказали, просят ещё. Слова скатываются слезинками по щекам, скользят по шее, впитываются в растянутый воротник.

– Конечно, сынок, – улыбается Молли, убирая на поднос кофе с пирогом. – Всё купили. Да и я себе танцующий наборчик отхватила.

Молли надтреснуто смеётся, выставляя на стол сияющую зелёную кружку с отколотым бочком и такую же зелёную тарелку, полную чуррос, присыпанных пудрой. Вкус горячего шоколада укутывает в знакомое с детства тепло.

– Спасибо, – тихо роняет Андрес, пытаясь стереть остатки неостановимых слёз.

Он торопливо макает чуррос в кружку, забрасывает в рот, погружаясь в воспоминания. Туда, где любят, обнимают, утешают и обещают, что всё будет хорошо. Туда, где верят и считают, что из него обязательно выйдет толк. Туда, где просто можно быть собой и знать, что тобой гордятся. Андрес ест и ест, делает глоток за глотком, пока не обнаруживает пустую тарелку и перепачканное дно кружки. Андрес смотрит на мазки шоколада и видит в них горы, крылья феникса и нежнейший закат.

Ярко-розовый язык торопливо проходит по губам, слизывая остатки сладкой жижи. Андрес осторожно подхватывает стопку исписанных салфеток и летит к стойке, пружинит, подпрыгивает, торопится.

– Тётушка Молли! Сожгите! – Андрес протягивает старушке белый гладкий лист, на котором аккуратно написано название университета.

– Конечно, сынок. Жизнь тебя любит, – прощается Молли ритуальной фразой, одним щелчком пальцев стирая следы ручки с бумаги.

Андрес звенит входным колокольчиком вместо ответа. Спотыкается на каждом шагу, смеётся, вытирает слёзы, пытается не кричать от избытка противоречивых чувств. Бежит домой, влетает в подъезд и замирает возле двери. Тянет руку, но не решается сразу открыть. Улыбка соскальзывает с губ, оставляя наедине с мрачной тревогой.

Андрес выдыхает, вытирает о футболку вспотевшие ладони и решительно поворачивает ручку. Дверь заперта. Андрес с облегчением хихикает, достаёт ключи и заходит домой. Украдкой проскальзывает в комнату, бросает рюкзак на пол, хватая одну за другой кружки, тарелки, вазы и расцеловывает их. Нежно заворачивает в бумагу, раскладывает вместе с записками по кровати, рисует эскизы новых заказов и никак не может стереть дурацкую улыбку с лица. Не может, пока из прихожей не раздаётся звон брошенных на тумбу ключей.

– Мам? – рыжая голова Андреса высовывается из-за двери.

– Сынок, ты уже дома? – голос Альбы звучит удивлённо, словно ей сложно поверить в такое чудо.

– Помочь? – Андрес выходит из комнаты, забирает у матери пакеты с продуктами и тащит их на кухонный стол.

– Что-то случилось, дорогой? – Альба заходит на кухню следом и не может понять, почему её сын то хмурится, то сияет улыбкой.

Андрес молча качает головой, хватая из пакета мясо, сыр, сливки, ягоды распихивает по полкам холодильника. Альба отбирает у взволнованного сына батон, который тот пытается засунуть в отдел для зелени.

– Андрес. – Альба откладывает хлеб и берёт сына за ледяные ладони. За хлопком холодильника не слышно открывшейся двери.

– Мам, я хочу быть гончаром, – одним выдохом отвечает Андрес. Выжидает секунду, не слышит возражений и торопливо продолжает: – Хочу лепить и продавать посуду, учить других видеть в куске серой глины шедевр. Я распродал свои полки за сутки! Люди заказывают...

– Гончаром? Всю жизнь в грязи? Я тебя растил семнадцать лет для того, чтобы ты всю жизнь был хуже свиньи? – Вито врывается в кухню, пугая рыком жену и сына. Альба подпрыгивает, рука Андреса выскальзывает из её ладоней. – Я давно должен был разбить эти дрянные безделушки, чтобы они не забивали тебе мозги!

– Папа... – Андрес не успевает возразить, как Вито хватается за ворот футболки.

– Не бывать тебе грязелепом, пока ты мой сын! Выброси эту дурь из головы! – Вито с силой отталкивает Андреса от себя, припирает его к холодильнику. Раздутые от гнева ноздри отражаются в перепуганных чёрных зрачках. – А ты его поддерживаешь, да, Альба? Если бы не я, то ни у кого из вас не было того, что вы имеете. Ни одежды, ни дома, ни возможности ходить в школу. Хотите скитаться по свалкам?

Альба молчит, прикрывает руками дрожащие губы, пытается удержать блестящие слёзы. Андрес сглатывает, пытается вдохнуть, но отец заполняет собой всю кухню, весь дом и душит одним взглядом. Вито замечает единственную скользнувшую по щеке жены каплю хрустальной влаги. Выходит из себя, совершенно слетает с катушек:

– Давай, давай, заплачь! Какой же плохой муж, кричит на тебя, на твоего драгоценного бестолкового сына. Иди пожалуйста на меня Пилар. У той от любви мужа синяки на лице, а на тебя разок прикрикнули, и всё, сразу в соплю. – Вито размахивает руками, едва не задев чужие лица и плечи.

– Ты прав, – дрожащим голосом отвечает Андрес. Плечи сторблены, дыхание прерывисто, но взгляд острее, чем вкус халапеньо. – Я больше не хочу быть твоим сыном.

– Что-о-о-о-о?! – Вито краснеет, белки глаз наливаются кровью, но от оплеухи Андрес лишь ловко уворачивается, пригибается и выносится вон из кухни.

Под звериный рёв задвигает дверь в комнату тяжёлым резным столом. Вытряхивает из огромной спортивной сумки наколенники, защитный шлем, бутылку с водой и аптечку, которая не раз выручала его на соревнованиях по скейтбордингу. Заполняет сумку футболками, бельём и парой джинсов. Осторожно закладывает готовые к отправке частички своей души, вздрагивает от каждого пинка в дверь. Сердце громко стучит, отдаётся барабанным боем в ушах, не давая Андресу услышать ни единого слова. Ни криков отца, ни слёзной мольбы матери. Застёгивает с характерным вжиком молнию. Вдыхает, как пловец перед прыжком.

Подходит к окну, распахивает его шире, ловко перекидывает одну ногу, вторую, вытягивает сумку, балансирует на узком подоконнике, смотрит вниз. Сумку бросать не решается, закидывает на плечо и быстро, привычными шагами спускается по увитой плющом стене. Плющом, который скрывает вбитые намертво колышки-подставки для ног и рук. Становится босыми ступнями на разогретую солнцем плитку. Делает глубокий вдох полной грудью.

Свобода.

5. Жизнь четвертая. Чуда

– Чудес не бывает! – сердито кричит семилетний мальчик, озлобленным львёнком зыряка на Синтию.

– Бывает! Мне тётушка Молли в прошлый четверг снежок подарила! Тогда ещё был август! – не менее громким криком отвечает тонюсенькая белокурая девочка.

– Да она его из холодильника достала, – упрямо продолжает отвергать любую магию и волшебство Бекс.

– Нет, не достала! Он бы растаял, пока тётушка Молли пришла на площадку. Не носит же она холодильник в кармане, – Синтия стоит на своём, пусть и тянет последнее предложение весьма задумчиво.

– А вдруг носит? – вклинивается в спор Тиа, дёргая себя за хвостик. – Она ведь достала тогда лошадку от карусели из кармана.

– Это был сухой лёд, а не снег, – с видом профессора доказывает Бекс. – И лошадь она не доставала, только парочку деталей.

– Это был самый настоящий снег! – Синтия топает ножкой и задирает нос повыше, как делает её мама, когда чем-то недовольна. – Лёд не бывает сухим, он влажный. Ты просто глупый!

– Дети, звонок уже прозвенел, рассаживайтесь по местам! – Миссис Лорнелли заходит в класс, бегло осматривая спорщиков. Да, она подслушивала, стоя под дверью, но не вмешивалась, не зная, что сказать. В её тридцать три верить в чудеса неловко и странно, но всё же...

– Миссис Лорнелли, скажите им, что чудес не бывает, – требует Бекс, не желая возвращаться за парту.

– Миссис Лорнелли, чудеса бывают, скажите ему! – тянет за край юбки Синтия.

Вирджиния улыбается, поглаживая обоих детей по головам.

– Чудеса случаются с теми, кто в них верит, – примирительно заявляет она, перебирая светлые и тёмные волосы прохладными пальцами.

– Хорошо, я верю в чудеса, поэтому пусть прямо сейчас появится банка шоколадного мороженого! – Бекс жмурится, скрещивает пальцы, открывает глаза и осматривается. Мороженого нигде нет. – Видите, никакого чуда не произошло. Значит, я прав и их не бывает.

Синтия дует губки, складывает руки на груди, собираясь что-то ответить нахалу, но нежная рука учительницы похлопывает по плечу, успокаивая девочку.

– Бекс, даже для чудес необходимо немного времени.

– Сколько? – морща нос, мальчик соглашается на чужие правила.

– Дай чудесам хотя бы неделю, чтобы набраться сил и прийти к тебе в гости. – Миссис Лорнелли подмигивает Бексу, подталкивая детей к их партам. – Рассаживайтесь по местам, сегодня будем собирать бумажные цветы для мам.

Бекс спотыкается, летит на пол, но вовремя хватается за парту.

– Прости, – шепчет он испуганной однокласснице, на которую чуть не упал, и хмурой тучей садится на свой стул.

Уроки тянутся долгой протяжной воющей нотой. По голове словно стучит маленький молоточек, каким-то волшебным образом находящий одну и ту же точку. Бам. Бам. Бам. Трррр. Звонок с последнего урока становится точкой в мучениях Бекса, но в отличие от других он не торопится уходить. Медленно поднимается из-за парты, складывает вещи в рюкзак. Не скидывает их одним движением руки в сумку, а каждую вещь аккуратно по одной укладывает на место, протирает парту платком, медленно задвигает стул.

– Бекс, у тебя всё в порядке? – мягкий голос миссис Лорнелли окликает мальчишку.

– Да.

– Бабушка тебя сегодня не встречает?

– Она занята. Я дойду, не переживайте, – очень по-взрослому убеждает учительницу Бекс.

Миссис Лорнелли хочет возразить, предложить остаться и подождать Людмилу Павловну вместе, только её саму ждут собственные дети и дела, от которых, конечно, можно отказаться, но...

– Вы можете отвезти меня к бабушке Молли, они с моей ба подруги. Ба заберёт меня вечером, – мягко уговаривает Бекс.

– Хорошо, но пусть Людмила Павловна обязательно позвонит мне, когда заберёт тебя, чтобы я не волновалась, – соглашается на сделку с совестью миссис Лорнелли.

Бекс кивает, закидывает толстый рюкзак на плечи и медленно шагает за учительницей к её синей подержанной машинке, падает на твёрдые сидения и щёлкает ремнём безопасности.

– У тебя дома точно всё хорошо?

Бекс хмыкает, понимая, к чему начинается этот мини-допрос.

– Да, просто там никого нет. Бабушка на занятиях, мама работает, – перечисляет Бекс, но тут же машет руками, как бы успокаивая. – Вы не волнуйтесь, за мной присматривают бабуля Молли и соседка, тётя Зина. Всё в порядке, правда.

– Хорошо, – наконец успокаивается миссис Лорнелли и вырывается с парковки.

В кафе «Жизнь» они едут молча, погружённые каждый в свои мысли. Бекс старается улыбаться. Рассматривает серые безвкусные здания, аляпистые деревья с листьями разного оттенка мерзости. Заставляет себя приподнимать уголки губ от мысли о вкусном курином супе, вредных сэндвичах с кетчупом и самом сладком в мире какао с горсткой маршмеллоу, хрустящими вафлями и шоколадным сиропом. Добрая старушка, конечно, поможет сделать уроки, ответит на сотню вопросов и отведёт его домой, когда бабушка в очередной раз о нём забудет. А утром он соврёт учительнице что-нибудь про то, как они с бабушкой весь вечер веселились и играли, что совсем забыли ей позвонить. Такое бывает, правда-правда. Не у него.

– Большое спасибо, миссис Лорнелли, увидимся завтра, – с радостью прощается Бекс, легонько хлопая дверью автомобиля.

Не по-осеннему тёплый день тяжестью безразличия давит на плечи, сжимает что-то светлое и доброе в груди, вызывает желание заплакать. Нет, не так громко в голос, как делают маленькие дети, а тихо, неуловимо, удушая болезненный вой где-то в горле, пряча дрожь за натянутой улыбкой. Как взрослый. Раньше бабушка забирала его со школы. Раньше они гуляли узкими и широкими улочками, крутились на каруселях, катались на качелях и придумывали, какой формы облака. Раньше по вечерам его ждала вкусная пюрешка с котлетками, пирожки или даже плагинды с капустой. Раньше. Дома его больше никто не ждёт.

Дзинь.

Входной колокольчик звенит от столкновения с тяжёлой дверью, в чисто вымытом стекле которой отражается грустный маленький мальчик со взъерошенными волосами.

– Жизнь тебя любит, сыночек, – ласково здоровается старушка Молли, уже выставляя на стол тарелку с горячим борщом, баночкой сметаны и печёными пирожками.

– И вас любит, – возвращает чужую вежливость Бекс, плюхается на мягкое кресло и усаживает портфель на соседний стул. Протирает руки густой жидкостью с ядрёным запахом спирта. – Бабуля Молли, откуда вы всегда знаете, когда я приду?

– Тю, тоже мне секрет. – Молли складывает руки на бока, с удовольствием наблюдая, как мальчишка ест. Коричневое платье делает старушку слишком древней, но та никогда не обращает внимания на такие мелочи, как возраст. – Ты просто приходишь каждый раз, как я подумаю о тебе.

– Выходит, вы думаете обо мне даже чаще, чем моя мама, – с затаённой печалью помещивает ложкой борщ Бекс, теряя всякое желание его есть.

– Ну-ну, я уверена, что она не забывает о тебе ни на секунду.

– И поэтому не приезжает домой? – Бекс отодвигает от себя тарелку, упирается локтями в стол, укладывая круглые щёки на ладони. – Вот вы взрослая, вы скучаете по мне, и мы видимся каждый день. Раз мама так скучает, то где она? Почему её никогда нет?

– Сандра много и усердно работает ради тебя.

– Бабушка так же говорит, только вот ради меня нужно меня обнимать, а не работать, – упрямо спорит Бекс, шмыгая носом.

Тёплые объятия с запахом спелого яблока позволяют слезинкам впитываться в колючую серую шаль.

– Однажды всё изменится, мальчик мой. Однажды, – скрипит Молли, похлопывая по детской спинке.

– Если хоть что-то изменится, то это уже будет волшебство, – гундосит Бекс, отстраняясь. – Скажите честно, откуда вы тогда взяли снежок для Синтии?

– Да это не иначе как чудо, что он завалился у меня с позапрошлого января. – Всплёскивает руками Молли, делая два шага назад. – Остальные-то я раздавала.

Бекс улыбается по-настоящему впервые за последние две недели:

– Это был какой-то фокус, да? Вы можете рассказать мне честно, я никому не скажу.

– Фокус в том, что нет никакого фокуса. Я просто забыла о нём. Какао? – старушка спрашивает и, не дожидаясь ответа, шаркает галошами в сторону кухни.

Бекс гремит ложкой, запихивая в себя борщ с улётной скоростью, даже забывая про сметану. Какао с пирожками, что может быть лучше? Только бабушка учила, что вкусное едят обязательно после полезного, поэтому тарелка стремительно пустеет, обнажая дно с парой ниточек моркови.

– Да ты прям Флэш! – удивляется Молли, ставя на стол огромную белую кружку, в которой не просто какао, а целое произведение искусства.

Горячая шоколадная жидкость укрыта шапочкой из сливок, посыпана малюсенькими маршмеллоу размером с ноготок ребёнка, сверху яркими крупинками манит разноцветная посыпка, а во главе всего, как перо в шляпе, торчит треугольная хрустящая вафелька.

– И чего же нельзя найти в ваших волшебных карманах? – со счастливым вздохом сытого человека спрашивает Бекс, придвигая поближе пирожки и божественный напиток.

– Порядка. Всё есть, а порядка нет! – Молли хохочет над своей шуткой так же заразительно, как дятел Вуди.

– А если он там будет, то мир трижды с ног на голову перевернётся от чудес? – хихикает Бекс, с громким сербанием делая первый глоток. Сливки рисуют над его верхней губой белые усики.

– Конечно, – соглашается Молли. – Тогда в соревновании «кто угадает, в каком кармане печенье» наконец появится победитель.

– Ой, так вы о нём слышали? – смущённо краснеет Бекс, чувствуя стыд за жителей города, которые в этом участвуют.

– Тю, я его организовала!

– И в каком же кармане печенье? – хитро спрашивает Бекс, желая победить, пусть и не самым честным образом.

– Во всех! – Старушка смеётся как ребёнок, сильно запрокидывая голову и не контролируя громкость. – У меня здесь чудеса смешиваются с пирожными, пока никто не видит. – Молли похлопывает по шали ладонью, как обычно приободряют давнего друга.

– Бабушка Молли, давайте поговорим серьёзно. – Бекс переплетает пальцы, смотрит на старушку сурово, как раньше делал дед. Сливочные усики не слишком помогают ему казаться взрослее и серьёзнее. – Чудес не бывает. Вы ведь из морозилки снежок тогда достали?

– Тю, зачем морозилка, когда у меня карманы набиты всякой всячиной? – искренне не понимает Молли. – И чудеса там отыскиваются. Только в них нужно верить, чтобы поймать. Вот ты не веришь и, если залезешь в карман, то ничего не достанешь.

– Ба говорит, что в чужие карманы, даже её, лазить нехорошо, – тут же отчитывает старушку Бекс, а затем тушует. – Ой, простите, не гоже яйцу курицу учить. То есть вы не курица, это тоже так ба говорит.

Молли искренне от души хохочет, запускает морщинистую руку в карман и вытаскивает из него горшок с почти высохшим цветком.

– Как думаешь, будет ли чудом, если он зацветёт?

– Если так и будет лежать в вашем кармане или стоять в темноте, то да, – уверенно отвечает Бекс. – А если вы будете его поливать и за ним ухаживать, то нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.